

Междисциплинарная интеграция публичного права и социальных наук: проблемы и решения

УДК 340.122:17:51-7:512:340.121:21

Владимир Олегович Лобовиков

Институт философии и права

Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: vlobovikov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8760-0452

SPIN-код: 3994-4289

Естественное государство – фильтр на двузначной булевой алгебре естественного права

(О неудовлетворительном положении дел
в «теории» естественного права
в течение последних веков на этой планете)

Аннотация. Объект исследования – естественное право как система формально определенных законов. Предмет исследования – собственно алгебраический аспект системы формально определенных законов естественного права. Цель (задача) исследования – дополнить широко обсуждаемую «теорию» естественного права практически неизвестной теорией естественного государства, в точном определении которого вообще не упоминаются животные вида “homo sapiens” (они лишь частный случай) и которое предстает в виде некоего абстрактного идеализированного объекта естественно-правовой теории, необходимо подвергнутой математизации. Метод – математическое моделирование предмета исследования. Научная новизна результата исследования: двузначная алгебраическая система (формально определенных законов) формальной аксиологии естественного права дополнена точно сформулированной концепцией естественного государства, являющегося по определению

фильтром на двузначной булевой алгебре естественного права. При этом термины «алгебраическая система», «алгебра» и «фильтр (в частности, ультрафильтр) на булевой алгебре» использованы в собственно математическом (алгебраическом) значении, а не в смутном метафорическом смысле.

Ключевые слова: двузначная алгебра естественного права, фильтр как собственно алгебраическое понятие, естественное государство как абстрактный идеализированный объект теории естественного права, фильтр на двузначной булевой алгебре естественного права, формальная определенность законов естественного права

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Данная статья посвящена актуальным теоретическим проблемам публичного права. В отличие от права частного *публичное право есть право государственное*. Оно рассматривает много конкретных проблем, представляющих собой реакцию на злобу дня. Но публичное право содержит также и *фундаментальные собственно теоретические* проблемы государствоведения. Одна из них – предмет настоящей статьи. Необходимая связь понятий «государство» и «право» в юридическом позитивизме дополняется необходимой связью этих понятий в юридическом натурализме. Взаимодополнение позитивизма и натурализма (их симметрия) в целостной философии права требует введения «странного», необычного понятия «естественное государство» и строгого формального определения его содержания в строго формально определенных терминах *дискретной математической модели* юснатурализма – *двузначной алгебры естественного права*.

Восстав против тысячелетней традиции, создатель современной физики Галилео Галилей был твердо уверен, что *книга природы написана на языке математики*. Именно то, что данный эвристически важный тезис упрямого Галилея (возмутительный для культурных людей его времени) является истинным, легко объясняет тот удивительный для современного культурного человека факт, что все «физики» в течение очень длительного периода времени – от Аристотеля до Галилея – были

чистыми гуманитариями («лириками»), рассуждавшими о природе на уровне ее метафизики, используя исключительно естественный язык для написания *стихотворных поэм*, часто называвшихся «О природе». Лишь Галилей, свободно владевший тем особым языком, на котором написана «Книга Природы», заложил основы современной физики (и естествознания в целом) как науки в собственном смысле слова. По моему мнению, *аналогичная* ситуация сложилась и вокруг *естественного права*: перефразируя Галилея, можно сказать, что строго формально определенные необходимо универсальные и неизменные законы естественного права – Права Природы точно сформулированы на специальном языке математики, поэтому юристы, в подавляющем большинстве своем этим особым языком не владеющие и им овладеть не желающие, прочитать и понять «Книгу Права Природы» не могут (да и не хотят) в принципе.

Впрочем, справедливости ради, необходимо заметить, что отнюдь не все известные философы и профессиональные юристы имели слабую математическую подготовку и недооценивали роль математики в прогрессивном развитии человеческой культуры: собственно философской, морально-правовой, художественно-эстетической, религиозно-метафизической и культуры в целом. Например, дипломированный и остепененный *юрист* Г.В. Лейбниц – гений собственно математического и логического творчества – явное исключение из упомянутой среднестатистической нормы. И к математике, и к логике, и к философии права, в частности к праву естественному, он относился творчески, стремясь достичь максимально возможного в свою эпоху; его перу принадлежит, к примеру, незаконченная работа «Элементы естественного права» (Leibniz 1971), перевод которой с латинского языка на русский до сих пор не опубликован. Серьезный интерес и уважительное отношение и к математике, и к естественно-правовой теории были характерны и для других выдающихся философов, живших в так называемую золотую эру натурализма в праве (см.: Гоббс 1936; Локк 1988; Монтескье 1999). Историки и теоретики права вполне обоснованно придают этой эпохе в развитии натурализма в праве (XVII и XVIII вв.) очень большое значение (см.: Entreves 1951; Finnis 1980; Finnis 1991; Покровский 1998: 62). Для прогрессивного развития доктрины естественного права

это был очень важный период истории. Но, к сожалению, в ту весьма благоприятную для юснатурализма эру математика еще не созрела до осознания себя как универсальной теории *абстрактных математических структур*: теории множеств, алгебры Буля и универсальной алгебры тогда еще не было. Именно недостаточная развитость математики той эпохи объясняет тот факт, что в то время попытки изобретения (преднамеренного построения) *дискретных математических моделей естественного права* или вообще не предпринимались, или были неудачными.

Крайне неудовлетворительное положение дел как в научном исследовании, так и в преподавании «теории» естественного права сохраняется на этой планете на протяжении тысячелетий: от Античности до наших дней. В XX в. математика уже достаточно созрела для того, чтобы стать адекватным языком и методом теории естественного права, но в философии права господствовал юридический позитивизм. Несогласованность (отсутствие корреляции) развития математической и юридической подсистем человеческой культуры как целого еще более усилилась, начав походить на абсолютно непреодолимую пропасть.

В начале XX в. на этот существенный недостаток развития целостной культуры *“homo sapiens”* обратил особое внимание О. Шпенглер, впервые вполне осознанно связавший основные соответствующие друг другу этапы исторического развития собственно юридической и собственно математической культур человечества (Spengler 1928: 67, 82). Он писал: «The affinity between mathematical and legal thought is very close» (Spengler 1928: 67). По его мнению, для преодоления явного несоответствия (существенного разрыва, пропасти) между этими *объективно взаимосвязанными* культурами человечеству в то время нужно было еще примерно сто лет, то есть как минимум весь двадцатый век (Spengler 1928: 83), но этот прогноз оказался слишком оптимистичным: его не поняли или поняли, но проигнорировали, а потом просто забыли.

Поэтому, к сожалению, на протяжении последних веков «юридические» (философско-правовые) дискуссии о естественном праве представляют собой очень мутные потоки чисто гуманитарного сознания и ведутся на исключительно естествен-

ном языке: дискутирующие не утруждают себя и собеседников точными определениями значений используемых слов и словосочетаний, из-за чего действительное взаимопонимание и согласие, а также действительное взаимопонимание и несогласие оказываются маловероятными случайными событиями.

В профессиональном языке юристов Древнего Рима словосочетание «естественное право» имело отнюдь не то значение, которое систематически используется на этой планете на протяжении последних веков: «рецепция» римского права сопровождалась его своеобразным пониманием, истолкованием и редактированием, в частности «обрезанием лишнего» с помощью «бритвы Оккама». Это постепенное *естественное изменение значения термина* «естественное право» было с полным на то основанием замечено Руссо (Руссо 1998; Rousseau 1994: 330), однако юристами и особенно философами его времени это замечание было проигнорировано: они постепенно стали использовать словосочетание «естественное право» не в средневековом (пришедшем из Античности), а в *качественно ином* значении (Кареев 1902: 7-8). В отличие от таких знаменитых древнеримских юристов, как Ульпиан и Павел (см.: Перетерский 1984: 23-25), в немецкой классической философии (и параллельно в национальных философиях права других цивилизованных стран) субъектами естественного права были объявлены *лишь разумные* существа, то есть Бог и животные вида *homo sapiens*; не только бактериям, но и всем прочим живым существам (даже таким весьма интеллектуальным животным, как дельфины и шимпанзе) в естественной правосубъектности было отказано из-за отсутствия у них «разума». А ведь не так уж и давно (в Средние века) не только быки и свиньи *обвинялись в убийствах* людей и *по решению суда* часто подвергались высшей мере наказания (смертной казни), но даже гусеницы считались субъектами естественного права, были *подсудимыми, подзащитными* (имели *адвокатов*), *осужденными и отлученными от церкви* (Канторович 2012).

Время от времени в истории философии права происходило обострение интереса к естественно-правовой доктрине. Хотя большинство профессиональных юристов последних двух веков были уверены, что эта бессмысленная *метафизическая химера* абсолютно мертва, некоторые юристы призывали

ее реанимировать и возродить (Штаммлер 1907; Штаммлер 1908; Гессен 1902; Новгородцев 1902; Новгородцев 1904а; Новгородцев 1904b; Покровский 1909; Покровский 1998: 60-76; Петражицкий 1913; Трубецкой 1907; Кистяковский 1998), а ряд юристов с ними не соглашались по принципиальным соображениям (Кареев 1902; Ковалевский 1902).

Однако на стыке XIX и XX вв., находясь под сильным впечатлением от кантианской философии морали и права, сторонники так называемого возрожденного естественного права имели в виду именно «обрезанный» его вариант – «царство разума», описанное на *исключительно естественном* языке; они были уверены, что владеющие современной научной теорией юристы уже не могут нести ответственность за те глупости, которые наговорил их древнеримский коллега Ульпиан о естественном праве как необходимо универсальном неизменном праве природы, объединяющем всех людей не только со всеми животными, но и вообще со всеми видами живого (Кареев 1902: 2, 15; Ковалевский 1902: 33, 62-63).

Справедливости ради, необходимо отметить, что в явном противоречии с упомянутым (характерным для Нового времени) критическим (демонстративно пренебрежительным) отношением к естественно-правовой концепции Ульпиана находилось в XIX в. опиравшееся на *научные знания биологии* учение о «взаимной помощи среди животных» (Кропоткин 1904: 3-50). Князь П. Кропоткин, развивавший анархистскую теорию государства и права, утверждал, что животным присуще чувство справедливости; он утверждал, что «общество в животном мире было найдено на всех ступенях эволюции» (Кропоткин 1904: 39). Его (возмутительные для среднестатистических юристов XIX в.) идеи вполне соответствовали тому, что писал в свое время Ульпиан о естественном праве (общем для человека и животных, объединяющем все живое). Последовательно критикуя и корректируя крайности дарвинизма, мятежный князь настаивал на том, что «общественность является таким же законом природы, как и взаимная борьба» (Кропоткин 1904: 6); взаимопомощь – «закон природы и главный фактор эволюции» (Кропоткин 1904: 7). По моему мнению, оригинальные диссидентские рассуждения Кропоткина о «животных сообществах», об «общественной жизни животных», основанной на «взаимо-

помощи во благо всех членов сообщества» (Кропоткин 1904: 6) можно считать важными историческими предпосылками формирования *абстрактного идеализированного объекта* научной теории, который может быть назван «естественное государство» и находится в *необходимой* связи со *строго определенным* (в алгебре поступков) научно-теоретическим понятием «естественное право».

Наряду с Кропоткиным, наличие в живой природе не только борьбы, но и «солидарности», а также социальных союзов живых существ, в частности «животных обществ» или «обществ животных», ссылаясь на О. Конта, обсуждал М.М. Ковалевский (Ковалевский 1902: 34, 45-48), критически относившийся к идее «возрожденного естественного права» (Ковалевский 1902: 33, 62-63). Анализируя социологические идеи О. Конта, Ковалевский обсуждал даже утверждение Конта о существовании «своеобразных обществ, свойственных низшим организмам» (Ковалевский 1902: 47).

Интеллектуальное движение, получившее в начале XX в. название «возрожденное естественное право», закончилось ничем – много шума из ничего: естественно-правовой теории как именно (абстрактной) теории (необходимо универсальной или хотя бы стремящейся к универсальности) не возникло. П.И. Новгородцев, по сути дела, признал этот огорчительный факт следующим своим утверждением: «Если взять те имена и сочинения, которые нередко выдвигаются в связи с вопросом о возрождении естественного права, то окажется, что в крупнейших теоретических работах наших дней проблема естественного права не только не была разработана, но скорее была устранена и заменена другими проблемами» (Новгородцев 1913: 18).

Почему на стыке XIX и XX вв. *действительно научная теория естественного права как точно сформулированная система неизменных и необходимо универсальных формально определенных законов* так и не возникла и существовала ли, в принципе, реальная возможность для ее возникновения в рамках того исторически ограниченного интеллектуального движения? По моему мнению, такой возможности не было: «умершая» или на долгие времена «усопшая» естественно-правовая доктрина не могла быть реанимирована и возрождена усилиями

Штаммлера, Гессена, Новгородцева, Покровского, Петражицкого, Кистяковского и Ко; и их отчаянная попытка была обречена на провал. Бесспорно, что такое критическое мнение нуждается в обосновании. Рассмотрим следующие аргументы.

Согласно философии науки, теория есть логически организованная система законов, то есть *необходимых и общих* утверждений о ее объектах; от случайностей и частных теория должна систематически абстрагироваться, концентрируясь на рассмотрении своих объектов в самом общем виде. Теория не относится непосредственно к материальным объектам реального мира; непосредственно теория относится к ее *абстрактным идеализированным объектам*; если таковых пока еще нет, то нет пока еще и теории. Новгородцев и К^о осознавали это очень плохо.

Согласно теории позитивного права, *необходимым* признаком собственно юридического закона является его строгая *формальная определенность*. Юридический позитивизм вполне обоснованно подчеркивает строгую *формальную определенность* норм позитивного права, в отличие от «законов естественного права», упоминавшихся (сформулированных на чрезвычайно многозначном естественном философском языке) в ходе многовековой истории политических и правовых учений. В отношении расплывчато формулируемой на исключительно естественном языке «теории» естественного права многих предыдущих веков С.С. Алексеев совершенно справедливо замечает: «...категории естественного права... лишены качеств строгой определенности – решающего и уникального достоинства юридического регулирования» (Алексеев 2010: 337).

Однако, по моему мнению, сфера истинности этого совершенно справедливого замечания имеет как исторические, так и логические границы, за которыми это замечание уже не является справедливым, – в третьей четверти XX в. ситуация существенно изменилась, в начале 70-х гг. появилась *двузначная алгебра поступков и лиц* (индивидуальных или коллективных – не важно). Впервые в истории естественно-правовая доктрина была точно сформулирована на некоем *вполне однозначном искусственном языке*; а понятию «закон естественного права» было дано строгое (явное и точное) формальное

определение в алгебраической системе естественного права как *формальной аксиологии*. С этого исторического момента упрек в отсутствии (или в недостаточности) строгой *формальной определенности* у законов естественного права уже неуместен (Lobovikov 2022: 81). Но, к сожалению, подавляющее большинство юристов нашего времени об этом ничего не знает. Данное обстоятельство свидетельствует о важности создания, прогрессивного развития и плодотворного применения *принципиально новой* (современной) *необходимо математизированной* теории естественного права как формальной аксиологии, необходимо всеобщие законы которой отличаются *формальной определенностью* и неизменностью (в гораздо большей степени, чем законы права позитивного) вопреки очевидным эмпирическим фактам изменчивости и относительности оценочных суждений (Lobovikov 2022: 81). Эти очевидные факты изменчивости и относительности оценок не противоречат вечным (неизменным) необходимо всеобщим *формально определенным* законам двузначной булевой алгебры естественного права.

Но основным аспектом научной новизны результатов исследований, представленных в настоящей статье, является не то весьма непривычное для стандартных юристов-позитивистов, что сказано выше о *формальной определенности законов двузначной булевой алгебры естественного права*, а то, что необходимым этапом прогрессивного развития современной (математизированной) теории естественного права является введение в ее концептуальную систему понятия «естественное государство». По моему мнению, это психологически неожиданное (шокирующее стандартных юристов-позитивистов) научно-теоретическое понятие должно быть каким-то образом представлено в существующей *дискретной математической модели естественного права* – алгебре формальной аксиологии (Лобовиков 2002; Lobovikov 2022). Речь идет не об эмпирическом поиске, обнаружении и чувственном восприятии естественного государства (являющегося *абстрактным идеализированным объектом* теории) в материальном мире, а об изобретении (преднамеренном абстрактно-теоретическом конструировании) некой *особой алгебраической структуры*, тесно связанной с уже существующей алгебраической системой естественного права как формальной аксиологии.

Как в научной, так и в учебной литературе по теории государства и права положение о том, что *право и государство необходимо взаимосвязаны*, является если не общепринятым, то по крайней мере явно доминирующим. Принципиальных разногласий на этот счет между уважаемыми теоретиками государства и права на Западе (Kelsen 2007) и на Востоке (Алексеев 2015) нет: практически всеми интеллектуально уважаемыми профессиональными юристами цивилизованных стран признается, что именно *государство – источник и гарант реализации права*. Но при этом имеется в виду *позитивное право*, создаваемое *исключительно людьми*, специально на то уполномоченными *позитивным* государством, представляющим собой *организацию, искусственно созданную исключительно людьми*. Термин «естественное право» часто или редко, явно или неявно употребляют почти все теоретики права (см., напр.: Алексеев 2015; Kelsen 2007), но термин «естественное государство» либо вообще ими не употребляется, либо представляет собой очень большую редкость – налицо явная *асимметрия*. Для ее устранения путем введения недостающего для симметрии элемента необходимо признать, что в природе объективно существуют системы, которые могут быть названы *естественными государствами – источниками естественного права, адекватными формами его существования и эффективными средствами его реализации*. Впервые этот необычный (психологически неожиданный для юристов-позитивистов) тезис был высказан более 20 лет назад во время устного доклада на научной конференции «Логика толерантности и права» (Екатеринбург, 24–25 декабря 2001 г.) и затем опубликован в материалах этой конференции (Лобовиков 2002). Но никакой реакции, к сожалению, не последовало, хотя, на мой взгляд, упомянутый весьма нетривиальный философско-правовой тезис заслуживает обсуждения в среде специалистов по философии права, так как затрагивает существенные аспекты общей теории права и государства.

Теперь от содержательных философско-правовых рассуждений, представленных на нечетком и многозначном естественном языке, целесообразно перейти к точным определениям обсуждаемых естественно-правовых понятий на совершенно однозначном искусственном языке математики. Если, согласно принимаемому в данной статье определению,

естественное государство есть фильтр на двузначной булевой алгебре поступков (актов) и лиц (агентов), то что такое «фильтр на булевой алгебре»? Ответом на этот вопрос может служить следующая цитата:

«*Фильтром на булевой алгебре M называется непустое подмножество $D \subseteq M$, удовлетворяющее условиям:*

- (1) $x, y \in D \Rightarrow (x \cap y) \in D$,
- (2) $x \in D, x \leq y \Rightarrow y \in D$,
- (3) $x \in D \Rightarrow (-x) \notin D$.

Фильтр D на булевой алгебре M называется *ультрафильтром*, если он удовлетворяет условию

- (4) $x \in D$ или $(-x) \in D$ для любого $x \in M$.

Фильтр D на булевой алгебре M называется *простым*, если он удовлетворяет условию: для любых $x, y \in M$

- (5) $(x \cup y) \in D \Rightarrow x \in D$ или $y \in D$.

Фильтр D на булевой алгебре M называется *максимальным*, если он не содержится ни в каком другом фильтре на M » (Лавров, Максимова 1975: 22). Точные определения понятия «фильтр на булевой алгебре» можно найти также в работах П.М. Кона, Д.А. Владимирова и А.И. Мальцева (Кон 1968: 212; Владимиров 1969: 39; Мальцев 1970: 193).

По моему мнению, очень важной для использующих методы математического моделирования рациональных философско-правовых рассуждений о «граде Божиим» (Августин Блаженный 1998) и о *необходимом* для современной научной теории естественного права понятии «естественное государство» является «**Теорема 2.7.** *Каждый фильтр булевой алгебры содержится в ультрафильтре*» (Кон 1968: 212).

Для облегчения восприятия вышесказанного рассмотрим следующую графическую модель. Пусть символ M обозначает представленное ниже серым четырехугольником множество либо хороших, либо плохих актов (действий) и акторов (действующих лиц), на котором построена *двузначная булева алгебра естественного права*, а символ T обозначает такое подмножество множества M (представленное кругом внутри четырехугольника), которое ограничено вполне определенным временем (эпохой), пространством (территорией) и народом, проживающим в это время в этом месте и вполне эффективно контролирующим эту территорию в течение данного промежутка времени.

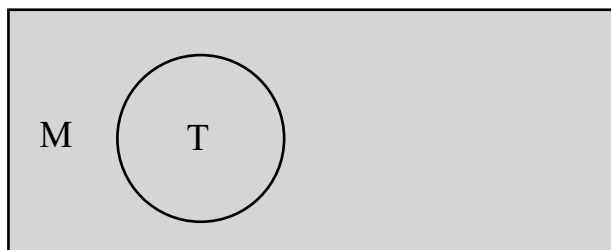

Рис. 1. *Позитивное* государство Т, определенное на множестве акторов и актов

Итак, на рис. 1 представлено *позитивное* государство Т, определенное территорией, историей и народом: имеется в виду определение без использования таких оценочных категорий естественного права, как «доброе (хорошее)» и «справедливое». Иначе говоря, на рис. 1 графически моделируется *позитивистская* дефиниция государства Т, систематически абстрагирующаяся от добра и зла.

Можно ли как-то визуализировать (представить на уровне наглядной графической модели) данное выше точное формальное определение абстрактного понятия «*естественное* государство»? По моему мнению, можно. Рассмотрим *естественное* государство на территории Т. Если всякое хорошее (действие или лицо) обозначить белым, а плохое – черным, то представленное на рис. 1 серым кругом подмножество Т множества М (моделируемого серым четырехугольником) будет выглядеть следующим образом:

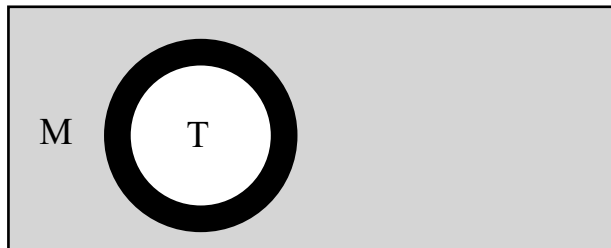

Рис. 2. *Естественное* государство Т как фильтр на двузначной булевой алгебре естественного права

Белый круг внутри четырехугольника моделирует *естественное* государство Т. В полном соответствии с данным выше

точным формальным определением абстрактного понятия «естественное государство» этот (белый) круг представляет собой множество, элементами которого являются все хорошие и *только* хорошие акты и акторы, принадлежащие множеству Т. Элементов черного цвета в естественном государстве Т нет; они «отфильтрованы» и сосредоточены исключительно в том подмножестве множества Т, которое выделено черным цветом.

Данное выше математически точное *естественно-правовое* определение понятия «государство» отнюдь не отрицает существующую позитивно-правовую дефиницию этого понятия – они *взаимодополняют* друг друга, образуя гармоничный концептуальный синтез. Конкретный пример их гармонии: такой важнейший элемент позитивистской юридической техники, как презумпция невиновности, прекрасно соответствует тому, что в естественном государстве, согласно его определению, имеют место исключительно хорошие акты и акторы: плохие из него «отфильтровываются» в другое место. Но и в позитивном государстве все акторы невиновны, согласно упомянутой презумпции; а если в какой-то момент времени какой-то актор признан виновным по решению суда, то с этого момента он «отфильтровывается» государством в другое место.

Нетрудно заметить, что обсуждаемое в настоящей статье понятие «*естественное государство*», определяемое как «*фильтр на булевой алгебре поступков и агентов (субъектов)*», не связано необходимо с понятиями «разум», «разумное существо», «естественный интеллект», «человек», «Бог» и т.п. Такая связь возможна, но *случайна*, представляет собой *частный* случай, значит, рассуждая о естественном государстве в самом общем виде, от нее нужно абстрагироваться. С этой точки зрения *агентами или акторами (субъектами актов) могут быть любые живые существа* в полном соответствии с древнеримской теорией естественного права Ульпиана и Павла (см.: Перетерский 1984: 23-25), а естественное государство есть в таком случае некое гармоничное *содружество, сообщество* (commonwealth, symbiosis) любых живых систем, их хорошо организованная взаимовыгодная *кооперация (взаимопомощь), солидарность*, имеющая целью *общее благо* (common wealth). При этом «град Божий» (Августин Блаженный 1998) оказывается очень важным частным случаем рассмотренной необходимо универсальной

абстрактно-теоретической системы двузначной формальной аксиологии, а именно *максимальным* фильтром на двузначной булевой алгебре актов и акторов (индивидуальных или коллективных – не имеет значения).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Августин Блаженный. 1998. Творения. В 4 т. Т. 3. Кн. 1–13 / сост. и подгот. текста к печати С.И. Еремеева. Санкт-Петербург : Алетейя ; Киев : УЦИММ-пресс. 595 с.

Алексеев С.С. 2010. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 6. Восхождение к праву. Москва : Статут. 558 с.

Алексеев С.С. 2015. Государство и право. Москва : Проспект. 152 с.

Владимиров Д.А. 1969. Булевы алгебры. Москва : Наука. 318 с.

Гессен В.М. 1902. Возрождение естественного права. Санкт-Петербург : Тип. Е. Евдокимова. 43 с.

Гоббс Т. 1936. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Москва : Соцэкгиз. 503 с.

Канторович Я.А. 2012. Процессы против животных в Средние века. Москва : КРАСАНД. 64 с.

Кареев Н.Н. 1902. Нужно ли возрождение естественного права? // Русское богатство. № 4. С. 1–15.

Кистяковский Б.А. 1998. Философия и социология права. Санкт-Петербург : Изд-во Рус. Христиан. гуманист. ин-та. 798 с.

Ковалевский М.М. 1902. Социология и сравнительная история права // Вестник воспитания. № 2. С. 31–63.

Кон П.М. 1968. Универсальная алгебра. Москва : Мир. 352 с.

Кропоткин П. 1904. Взаимопомощь среди животных и людей. Санкт-Петербург : Изд. Тов. М.Д. Орехова и Ко. 211 с.

Лавров И.А., Максимова Л.Л. 1975. Задачи по теории множеств, математической логике и теории алгоритмов. Москва : Наука. 240 с.

Лобовиков В.О. 2002. Дискретная математическая модель естественного права и государства: от логики ригоризма к логике толерантности // Логика толерантности и права : материалы науч. конф. (Екатеринбург, 24–25 дек. 2001 г.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. С. 159–187.

Локк Дж. 1988. Сочинения. В 3 т. Т. 3. Москва : Мысль. 668 с.

Мальцев А.И. 1970. Алгебраические системы. Москва : Наука. 392 с.

Монтескье Ш.Л. де 1999. О духе законов. Москва : Мысль. 672 с.

Новгородцев П.И. 1902. Нравственный идеализм в философии права (К вопросу о возрождении естественного права) // Проблемы идеализма. Москва : Моск. психолог. о-во. С. 236–296.

Новгородцев П.И. 1904а. Государство и право // Вопросы философии и психологии. № 74. С. 397–450.

Новгородцев П.И. 1904b. Государство и право // Вопросы философии и психологии. № 75. С. 508–538.

Новгородцев П.И. 1913. Современное положение проблемы естественного права // Юридический вестник. № 1. С. 18–24.

Перетерский И.С. 1984. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты с примечаниями. Москва : Наука. 458 с.

Петражицкий Л.И. 1913. К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права // Юридический вестник. № 2. С. 5–59.

Покровский И.А. 1909. Естественнo-правовые течения в истории гражданского права. Санкт-Петербург : Тип. Б.М. Вольфа. 53 с.

Покровский И.А. 1998. Основные проблемы гражданского права. Москва : Статут. 353 с.

Руссо Ж.-Ж. 1998. Об общественном договоре. Трактаты. Москва : КАНОН-пресс : Кучково поле. 416 с.

Трубецкой Е.Н. 1907. Энциклопедия права. Москва : Изд. студентов. 224 с.

Штаммлер Р. 1907. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Т. 1. Санкт-Петербург: Начало. 408 с.

Штаммлер Р. 1908. Сущность и задачи права и правоведения. Москва : Тип. Тов. И.Д. Сытина. 326 с.

d'Entreves A.P. 1951. Natural Law: An Historical Survey. New York : Macmillan Co. 658 p.

Finnis J.M. 1980. Natural Law and Natural Rights. Oxford : Clarendon Press. 425 p.

Finnis J.M. (ed.). 1991. Natural Law (a collection of papers). Oxford : Clarendon Press. 843 p.

Kelsen H. 2007. General Theory of Law and State. Clark, New Jersey : The Law-Book Exchange, Ltd. 516 p.

Leibniz G.W. 1971. Elementa Juris Naturalis [Elements of the Natural Law] // G.W. Leibniz. Philosophische Schriften. Erster Band (1663–1672). Berlin : Akademie-Verlag. P. 431–485.

Lobovikov V.O. 2022. Natural Legal Law as Mathematics of Freedom (Four Mathematically Different Moral-Legal-Value-Functions “Freedom” and Four Ones “Slavery” Defined Precisely in Two-Valued Algebra of Formal Axiology of Ethics and Jurisprudence) // Antinomies. 2022. Vol. 22, iss. 1. P. 65–90. DOI 10.17506/26867206_2022_22_1_65

Rousseau J.-J. 1994. A Discourse on a Subject Proposed by the Academy of Dijon: What is the Origin of Inequality among Men, and is It Authorized by Natural Law? // Adler Mortimer (Ed.), Great Books of the Western World. V. 35: Montesquieu; Rousseau. Chicago ; Auckland ; London ; Madrid : Encyclopedia Britannica, Inc. P. 323–366.

Spengler O. 1928. The Decline of the West (in two volumes). Vol. 2. Perspectives of the World History. New York : Alfred A. Knopf, Inc. 408 p.

Vladimir O. Lobovikov

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. E-mail: vlobovikov@mail.ru

**The Natural State – A Filter
on the Bivalent Boolean Algebra of Natural Law**
(On the Unsatisfactory State of Affairs
in the “Theory” of Natural Law
over the Last Few Centuries on This Planet)

Abstract. The study focuses on natural law as a system of *formally defined* laws, specifically examining the *algebraic aspect* of this system. Its goal is to complement the well-known “theory” of natural law with the lesser-known theory of the *natural state*. In the precise definition of the natural state, animals of the species “*Homo sapiens*” are not mentioned at all (they are only a *specific case*), and the natural state appears as an *abstract, idealized concept* within natural law theory, which is *necessarily subjected to mathematization*. Methodologically, the study relies on *mathematical modeling*. The novelty of this research lies in the fact that it adds a precisely defined concept of the *natural state* to the *bivalent algebraic system* (of *formally defined laws*) of *formal axiology* within natural law. The natural state serves as a *filter applied to the bivalent Boolean algebra of natural law*. In this context, the terms “algebraic system”, “algebra”, and “filter” (specifically, ultrafilter) are used in their *formal, mathematical (algebraic) sense*, rather than in a metaphorical or vague manner.

Keywords: bivalent algebra of natural law; filter as a strictly algebraic concept; natural state as an abstract idealized object of the theory of natural law; filter on the bivalent Boolean algebra of natural law; formal definition of the laws of natural law

Александр Борисович Белоусов

Институт философии и права

Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: ektb@ya.ru

ORCID: 0000-0003-0082-909X

«Сплоченная масса ненависти»: концепция пропаганды Гарольда Лассуэлла

Аннотация. В представленных тезисах рассматривается концепция пропаганды американского политолога Гарольда Лассуэлла. Он является представителем первой волны исследователей пропаганды, опубликовавших свои труды в 1920-е, и в их числе – единственным представителем академической сферы. Его знаменитый труд «Техника пропаганды в мировую войну» (1927) вошел во все учебные курсы по пропаганде, однако в России полноценно был переведен только в 2021 г. Это обстоятельство, а также ряд других причин, привели к тому, что концепция пропаганды Лассуэлла остается неизвестной в российской политической науке. Проведенный анализ показал, что она основана на противопоставлении на фигуре врага и чувстве ненависти. Показано, как в «Технике пропаганды...» демонстрируются ключевые моменты управления ненавистью: от опознания врага и приписыванию ему целого спектра негативных свойств до персонализации ненависти, а также ее переводу на другие объекты с целью дестабилизации противника. Выделяются и другие преимущества его работы 1927 г.: систематизированное изучение военной пропаганды, большое количество показательных примеров, внедрение психологического подхода. Кроме этого, он вписал ее в организационный, политический и аппаратный контекст. Анализ дальнейшего изучения пропаганды Гарольдом Лассуэллом выявил два ключевых этапа ее исследований: этап концептуальных и этап количественных исследований. Однако, несмотря на сдвиг интересов в сторону изучения революционной пропаганды в 1930-е гг., концептуальным ядром остается манипуляция противоречивыми отношениями. Показывается, что концепция Лассуэлла актуальна для текущих политических процессов в России, когда необходимо давать оценки формированию сплоченности общества не на субъективных впечатлениях, а на научной основе.

Ключевые слова: пропаганда, Первая мировая война, Гарольд Лассуэлл, общество, сплоченность

Введение: первая волна изучения пропаганды и роль «Техники пропаганды». Тема сплоченности, единства общества актуальна в наши дни по вполне понятным причинам: в начале 20-х гг. текущего века Россия столкнулась с беспрецедентными внешнеполитическими вызовами. Когда речь заходит не просто об оценке уровня сплоченности и поддержки власти, а о формировании единства, невозможно обойти стороной такую тему как пропаганда. Важность пропаганды обусловлена тем, что, как правило, начало тех или иных военных конфликтов раскалывает общество: одна часть воспринимает происходящее с воодушевлением, другая же – со значительным психологическим сопротивлением. В дальнейшем сплочение нации бывает непросто поддерживать в силу усталости общества, что может привести к самым печальным последствиям. К сожалению, это совершенно отчетливо показали события в России в 1917 г. Преодоление сопротивления и предотвращение усталости – одна из главных функций пропаганды. Поэтому при всей кажущейся банальности, ее механизмы не так уж и просты. В использовании пропаганды и получении эффективных результатов выработаны свои закономерности, которые описаны в специальных научных исследованиях на эту тему. В корпусе этих трудов особняком стоят концептуальные разработки Гарольда Лассуэлла, и в первую очередь его труд «Техника пропаганды в мировой войне». Он стал образцовым и по сей день может считаться учебным пособием для пропагандистов. Поэтому при оценке текущей ситуации в российских общественных настроениях невозможно обойти стороной вклад данного исследователя в теорию пропаганды.

Исследования пропаганды начались в западной политической науке в 20-е гг. XX в. по окончании Первой мировой войны. Пропаганда в той войне оказала на всех столь ошеломляющее действие, что о ней начали думать как об «опасном и таинственном явлении», а немецкие генералы нашли в ней возможность переложить ответственность за свои поражения на поле боя (Lasswell 1939: iv). Пережившее множество шоков общество начало постепенно осмыслять произошедшее, анализируя, в том числе, каким образом в простых людях разжигалась ненависть, служившая «топливом» для ведения военных действий. За относительно короткий срок – порядка 10 лет по-

сле завершения Первой мировой – был опубликован корпус значимых трудов, которую мы назовем *первой волной изучения пропаганды*. К ним можно отнести «Общественное мнение» Уолтера Липпмана (Липпман 2004), «Пропаганду» Эдварда Бернейса (Бернейс 2010), «Ложь в военное время» Артура Понсонби (Ponsonby 1940) и знаменитую «Технику пропаганды в мировой войне» Гарольда Лассуэлла (Лассуэлл 2021). Все эти труды давно стали классическими и вошли в учебные курсы по политологии, социологии и связям с общественностью. Исключение составляет только «Ложь в военное время» Артура Понсонби, которая представляет собой в большей степени критический разбор способов манипуляции, нежели попытку осмысления механизмов действия пропаганды.

Среди этих работ «Техника пропаганды...» стоит особняком по целому ряду причин. Главная из них заключается в том, что это, пожалуй, единственная из указанных работ, написанная классическим ученым и представляющая собой научный труд в полном смысле этого слова. И, действительно, Лассуэлл был единственным из авторов, кто имел непосредственно отношение к академической жизни, поступив в год окончания войны на обучение в Чикагский университет и затем продолжив в нем работать в качестве доцента и профессора. Как известно, «Техника пропаганды...» была его диссертационной работой, которую он издал в виде книги через год после защиты. Что же касается остальных первооткрывателей пропаганды, то они были далеки от академической среды: Бернейс был практикующим специалистом по связям с общественностью; Липпман – журналистом и политическим советником; Понсонби – политическим деятелем в Великобритании. Липпман, Бернейс и Понсонби в той или иной степени были задействованы в пропаганде или в политике в Первой мировой войне: первые двое работали в американских пропагандистских структурах, последний – являлся членом Британского парламента. Лассуэллу же на момент окончания войны было 16 лет, и поэтому в силу своего возраста он не мог быть деятельным участником тех событий, а только наблюдателем. Как указывают биографы, он был учеником основателя Чикагской школы политологии Чарльза Мериама, который в конце Первой мировой возглавил Римский филиал Комитета общественной информации, главного

пропагандистского ведомства США времен Первой мировой. Мериам оказал ему всестороннюю поддержку в посещении основных европейских столиц и встречах с участниками событий и процессов той войны (Ефременко, Богомолов 2021: 8).

Это дало Лассуэлу отличную от других исследователей оптику видения событий, воплотившуюся в строгом научном подходе. В дальнейшем же, опираясь на «Технику пропаганды» Лассуэлл разработал свою не менее знаменитую модель политической коммуникации, вошедшую во все учебники политологии, коммуникативистики и т.д.

Однако несмотря на свою популярность на Западе и огромное влияние на развитие дальнейшей политической науки, в России трудов, разбирающих нюансы концепции пропаганды Лассуэлла наберется считанные единицы. Среди них можно отметить «Механизмы противодействия манипуляции и пропаганде в работах Г. Лассуэлла И Дж. Дьюи» (Чулков 2022) и «Пропаганда как инструмент влияния на политическое поведение в теории Г.Д. Лассуэлла» (Аргун 2021). Остальные работы российских ученых посвящены другим научным проблемам, которыми он занимался: политической и массовой коммуникации (Булкина 2000; Кривоносов, Киуру 2022), политической реальности (Алюшин 2006), феномену лидерства (Гомелаури 2018) и т.п. Впрочем, и в целом изучение наследия Лассуэлла в российской политической науке не выглядит слишком тщательным. Вероятно, это связано с несколькими причинами, которые лежат на поверхности. Во-первых, переводов его работ на русский язык опубликовано не так уж и много (Баталов 2014: 10; Ефременко 2023: 29)¹. Во-вторых, изучение пропаган-

¹ В 2005 г. была переведена «Психопатология и политика» (Лассуэлл 2005). «Техника пропаганды» была полностью переведена только в 2021 г. (Лассуэлл 2021), а сокращенный перевод, выпущенный по горячим следам в 1929 г. (Ласвель 1929), вряд ли можно считать удовлетворительным. В 2023 г. в сборнике, посвященном школе Чикагской мысли, выпущена еще одна работа – «Политика: кто достигает чего, когда и как?» (Лассуэлл 2023). К этому списку можно добавить еще несколько переводов статей, что вряд ли дает составить представление о его творчестве насчитывающем, согласно Британской энциклопедии, более 30 книг и 250 статей. И это при том, что Лассуэлл входит в десятку наиболее цитируемых в мире американских политологов и социологов (Ефременко 2023: 29).

ды в современной российской политической науке не получило своего должного развития, вместо этого исследуются смежные с ней предметы – информационные войны, политические коммуникации, soft power и т.п.

Количественный подход к изучению пропаганды.

Ключевые тезисы своего понимания пропаганды Гарольд Лассуэлл изложил в «Технике пропаганды...». Это одна из двух его фундаментальных работ по этой теме, которые он сам отмечает в разделе «Теории пропаганды» своей аннотированной биографии 1946 года (Lasswell 1946: 131). Второй стала выпущенная в 1939 году «Мировая революционная пропаганда. Чикагское исследование» (Lasswell 1939). При этом, выделяя из 3000 наименований наиболее значимые 150 работ, он отмечает именно «Технику пропаганды...», а не «Мировую революционную пропаганду...». И это понятно, ведь именно в ней Лассуэлл, как мы увидим далее, закладывает основы изучения пропаганды, а все последующие работы развивают и дополняют ее.

Что же касается исследований революционной пропаганды, то они были вызваны практической потребностью понять, завоеует ли коммунизм Америку, и движется ли американское общество от «индивидуалистической Америки к советизированной» (Lasswell 1939: v). В качестве кейса был выбран Чикаго, поскольку, как пишет Лассуэлл, это крупный промышленный центр, переживший крах экономической жизни, а события, которые там произошли, оказались важными. Что же это были за важные события? Дело в том, что предшественница Коммунистической Партии Америки – Коммунистическая Рабочая Партия Америки (Communist Labor Party of America) была создана на съезде именно в Чикаго. Здесь работала сильная ячейка партии, которая в 30-е годы прославилась громкими акциями. Чикагские коммунисты смогли организовать под своим крылом безработных, протестовали против их выселения из домов и сокращения пособий, создали множество профсоюзов и т.п. Самым громким событием стала организация похоронной процессии в количестве 60 000 человек после того, как в 1931

² См.: URL: <http://www.encyclopedia.chicagohistory.org/pages/318.html>

г. полиция убила двух чернокожих рабочих². Исследования влияния коммунизма в Чикаго велись Лассуэллом уже преимущественно количественными методами: он подсчитывал динамику аффилированных с коммунистами организаций, число выпущенных листовок и слоганов, численность партийного членства, количество выходящих периодических изданий – федеральных и местных, на английском и других языках и т.п. (Lasswell 1939: 108, 221, 261–262).

«Мировая революционная пропаганда» стала важной вехой в творчестве Лассуэлла: спустя 10 лет после «Техники пропаганды...» он отходит от концептуального исследования в сторону использования количественных методов и к концу 40-х гг. XX в. формулирует свою позицию следующим образом: подлинное знание о влиянии может быть получено только количественными методами (Lasswell, Leites 1949: 40–52). Он смог стать настоящим первопроходцем в сфере статистического контента анализа, что требовало серьезного привлечения ресурсов. Исследователь творчества Гарольда Лассуэлла Т. Рантанен отмечает в нем два периода. Первый период, связанный с Чикагским Университетом, датируется 1918–1938 гг. и называется им академическим периодом «прогрессивного интернационализма». Второй, характеризуясь «прагматизмом и продвижением американских интересов», датируется 1939 – началом 1970-х, когда он переехал из Чикаго и проживал в основном в Вашингтоне, Нью-Йорке и Нью Хэвене. Изменения были вызваны плотным сотрудничеством с госструктурами, в которые Лассуэлл оказался максимально инкорпорирован, что позволило Т. Рантанену оценивать его позицию в политической системе США как инсайдерскую (Rantanen 2024: 49–50). Разумеется, новая роль в системе накладывала ограничения на его оценки и суждения, что не могло не сказаться на характере его работ. Именно в этот период Лассуэлл максимально разрабатывает свои количественные методы, которые он будет использовать и в других работах, посвященных пропаганде, но уже не столь значимых.

Например, в эссе «Описывая содержание коммуникаций» (Describing the Content of Communications), вошедшем в аннотированную библиографию по пропаганде и связям с общественностью 1946 г., он ставит задачу оценить влияние пропа-

ганды стран «оси»³ на американское общество в годы Второй мировой войны. К работе над ней он приступил сразу после начала войны в 1941 г., возглавив с 1940 по 1943 гг. в Библиотеке Конгресса США экспериментальный отдел по изучению коммуникаций военного времени (Experimental Division for the Study of Wartime Communications), финансовую помощь которому оказывал Фонд Рокфеллера (Sproule 1989: 16; Rantanen 2024: 63). Для этого Лассуэлл выделяет из всей пропаганды, мониторинг которой со всей тщательностью вели соответствующие ведомства, 12 ключевых месседжей, таких как «США погрязли во внутренней коррупции», «США слабы», «Япония сильна» и т.п. Затем он подсчитал, что в период с декабря 1941 г. по март 1942 г. в американских СМИ вышло 1 195 утверждений, соответствующих вражеской пропаганде, при этом утверждений, опровергающих их – всего 45 (Lasswell 1946: 75-76).

Ценность работ о пропаганде 1939 и 1946 гг. не подлежит сомнению с точки зрения разработки методов исследований, однако они не дают существенной прибавки к пониманию сущности пропаганды. Концептуально, начиная с конца 1920-х до конца 1940-х гг. определения пропаганды, которые будут разбираться ниже, повторяют друг друга и будут отличаться лишь незначительными нюансами. Именно поэтому ниже внимание будет уделено в первую очередь «Технике пропаганды».

Особенности «Техники пропаганды в мировую войну».

Прежде чем приступить к анализу концепции пропаганды Лассуэлла, изложенной им в «Технике пропаганды», остановимся на некоторых особенностях этой работы. Во-первых, от прочих ключевых работ по пропаганде первой волны она отличается систематизированным изучением своего предмета. Автору удалось в достаточно сжатой форме структурировать пропагандистскую работу: от способов ее организации (глава «Организация пропаганды») и основных целей (главы «Виновность в войне и цели войны», «Сохранение дружеских отношений», «Деморализация врага») до ключевых приемов («Демонизация

³Страны «оси» (*Axis power* или *Axis*) – популярное в англоязычном сегменте название того, что на русском языке больше принято называть германской или гитлеровской коалиции. Получило свое название от более полного термина «ось Берлин-Рим».

врага», «Иллюзия победы», «Условия и методы пропаганды»). Если Липпман касается лишь особенностей функционирования общественного мнения в условиях пропаганды, Понсонби сосредотачивается на ее функции лжи, а Бернейс и вовсе озбочен лишь тем, чтобы всячески превозносить новый чудодейственный способ работы с общественностью, то у Лассуэлла пропаганда освещается как системная работа, причем со всех сторон.

Во-вторых, данная работа – фактически огромный кейс-стади. Число приведенных в ней разнообразных приемов пропаганды огромно – от демонизации врага и задействия сюжетов о сексуальных преступлениях до использования (псевдо) научных исследований, а также «духовной и церковной интерпретации войны» (Лассуэлл 2021: 104, 113, 123). В «Технике пропаганды...» автор еще не ведет количественные подсчеты тех или иных приемов пропаганды, однако она содержит огромное число манипулятивных приемов, превращаясь в универсальный учебник по ведению пропаганды. Ее можно открывать во время любого начинающегося военного конфликта и просто наблюдать, как реализуется все или почти все, что было разложено по полочкам 100 лет назад.

Во-третьих, Лассуэлл внедряет в изучение пропаганды психологический подход, постулируя, что «разрабатывает простую классификацию различных психологических материалов... и предлагает общую теорию стратегии и тактики манипулирования этими материалами» (Лассуэлл 2021: 58). И действительно, «Техника пропаганды» насквозь пропитана апелляциями к психологическим механизмам, в разных ее местах говорится о психологической природе пропаганды: ее воздействии, сопротивлении войне, диспозициях, облегчающих работу пропагандиста, барьерах и последствиях напряженности и пр. Таким образом, автор задает вектор новому направлению – психологии пропаганды. Сам он в дальнейшем также будет применять психологический подход, но к другому кругу проблем – главным образом к личности (Lasswell 1935, Lasswell 1948, Лассуэлл 2005), что позволит говорить о нем как об одном из родоначальников политической психологии (Ascher, Hirschfelder-Ascher 2004).

В-четвертых, Гарольд Лассуэлл помещает пропаганду в организационный, политический и аппаратный контекст,

причем делает это по-научному рационально, что является немаловажным. В первой волне изучения пропаганды встречаются примеры прямо противоположные: так Уолтер Липпман, проиграв борьбу за влияние на американскую пропаганду руководителю Комитета общественной информации Джорджу Крилу, обиделся на всех пропагандистов и в своей работе поставил их в один ряд с шарлатанами, мошенниками и террористами⁴. Лассуэлл же препарирует политические течения вокруг пропаганды с холодным безразличием хирурга: вот влиятельные силы в британском кабинете министров, застигнутые перспективой неминуемой войны, пытаются «жать на тормоза» в СМИ, а у немцев наблюдается все меньше согласованности пропагандистских усилий и все больше обостряется конфликт между гражданскими и военными властями (Лассуэлл 2021: 65-66, 85-87). В «Технике пропаганды» Лассуэлл затрагиваются вопросы кадрового рекрутинга, взаимоотношения пропагандистских ведомств с законодательными властями и даже финансовые аспекты данной работы. Такие организационные детали редко освещаются в научной литературе по этой теме.

Наконец, Лассуэлл оказался не чужд и философских рассуждений о природе пропаганды. В самом конце своей работы он излагает несколько действительно глубоких максим, которые трудно встретить в других работах: «пропаганда – уступка рациональности современного мира» и «пропаганда – отражение необъятности, рациональности и своевольности современного мира. Это новый динамик общества, ведь власть в нем разделена и рассеяна, и иллюзиями можно добиться большего, чем принуждением» (Лассуэлл 2021: 227, 229). Здесь при желании можно найти отсылки и к Фрейдю (уступка рациональности), и к Макиавелли («иллюзиями можно добиться больше, чем принуждением»), и к Фуко (рассеянная власть).

Определения пропаганды. Традиционно определения пропаганды строятся вокруг отношений власти и мнения масс, описываемых в терминах воздействия, манипуляции,

⁴ *Lippmann W.* The Basic Problem of Democracy // Atlantic. November. 1919. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1919/11/the-basic-problem-of-democracy/569095/> (дата обращения: 05.09.2024).

контроля, влияния. Например, у Липпмана в «Общественном мнении» оно формулируется следующим образом: «группа людей, которая может перекрыть другим прямой доступ к происходящему, подает новости в таком ключе, чтобы они служили целям этой группы» (Липпман 2004: 60). В «Технике пропаганды...» Лассуэлл также дает свое: «...пропаганда... относится исключительно к контролю над мнениями с помощью значимых символов... Пропаганда пытается управлять мнениями и установками путем прямого манипулирования социальным внушением» (Лассуэлл 2021: 54–55). Более четкое и однозначное определение он дает в статье «Теория политической пропаганды», вышедшей в тот же 1927 год, что и его знаменитая книга: пропаганда – это управление коллективными отношениями с помощью манипулирования значимыми символами (Lasswell 1927a: 627). В течение последующих 20 лет он уточняет и развивает данное определение пропаганды, однако ее ядро остается неизменным. В работе 1936 года «Политика: кто достигает чего, когда и как?» он пишет: «...любая элита защищает и утверждает себя от имени символов общей судьбы. Таковыми являются “идеология” установленного порядка, “утопия” контрэлит... Прочно установившаяся идеология увековечивает себя с помощью толики плановой пропаганды со стороны тех, кто больше всего от нее выигрывает» (Лассуэлл 2023: 94). Исследователи отмечают, что он стремился придать определениям пропаганды социально нейтральную окраску (Sproule 1989: 16), что объясняется его приверженностью количественным методам. Подобное нейтральное определение, однако, начинает размывать границы пропаганды, поэтому в какой-то момент Лассуэлл фиксирует, что она становится «синонимом для любой формы коммуникации – от вкрадчивого шепота соседей по лекции до «Голоса Америки» и распространению книг о том, как планета Венера повлияла на судьбу человечества» (Lasswell 1950: 284). Далее, он поясняет, что такое расширительное понимание не несет в себе ничего полезного и пытается указать на рамки пропаганды как преднамеренной деятельности по управляемым каналам коммуникации.

В то же время местами Лассуэлл и сам прикладывает руку к тому, чтобы пропаганда понималась максимально расшири-

тельно, утверждая, что мейнстрим американской пропаганды – это не религиозная, партизанская, реформистская, официальная или филантропическая пропаганда, но пропаганда коммерческая, а если точнее – реклама. И «если Колумб открыл континент, то (американская. – А. Б.) нация была сформирована рекламодателем» (Lasswell 1941: 37). Здесь его позиция начинает совпадать с позицией Бернейса, продвигавшего в 20-х гг. XX в. под именем пропаганды рекламные услуги. Впрочем, иногда он отходит от нейтральных формулировок. Так, в определении, данном им для «Энциклопедии социальных наук» в 1933 г., Лассуэлл говорит о ней как об аморальном феномене, который, однако, вынуждены использовать демократические лидеры в качестве альтернативы насилию как средству координировать действия общества (Lasswell 1933: 522-526). Подобная откровенность – редкость для раннего этапа исследовательской карьеры Лассуэлла, и уж подавно для более позднего этапа, когда он был инкорпорирован в американский политический истеблишмент.

Развитие исследований пропаганды. Со временем Лассуэлл расширяет предметное поле пропаганды. В работе «Политика: кто достигает чего, когда и как?» он выделяет ее новый вид – революционную пропаганду. Под ней он понимает «сепарацию чувства привязанности масс от существующих символов власти» и присоединение их «к символам, бросающим им вызов», а возникающие при этом враждебные чувства направляются на существующие символы власти. По оценке Лассуэлла, данная задача – значительно более сложная, чем задачи военной пропаганды, поскольку в последнем случае деструктивные энергии канализируются привычными способами (Лассуэлл 2023: 103). Но если обратиться к «Технике пропаганды...», то обнаружится, что подобного рода пропаганды он касался и в главе «Деморализация врага», описывая возможности перевода народного гнева на новый независимый объект, рядом с которым номинальный враг утратит свое значение. Новыми объектами для гнева в военное время могут стать собственное правительство и властители, при этом также отмечался чрезвычайно трудный характер подобных операций (Лассуэлл 2021: 182). Несложно проследить, что в «Политике...» он развивает тезисы из «Техники пропаганды...»,

вводя в оборот новые термины и выделяя новые направления исследований.

В работе 1939 г. «Мировая революционная пропаганда» Лассуэлл подробно описывает данные процессы, уточняя, что субъектами данного рода пропаганды становятся контрэлиты, а к процессам контроля над массами в мирное время подключается образование. В определении пропаганды он повторяет практически слово в слово то, которое он давал в 1927 г., заменяя характеристику всего процесса с «управления» на «контроль», а в описании использования пропаганды элитами точно так же, как и в работе «Политика....» 1936 г., прибегает к оперированию символам. Символы используются элитами, чтобы идентифицировать себя и описать свою историческую миссию. Набор символов у властных элит каждой страны свой собственный: в США во время Лассуэлла это была Декларация независимости и Конституция США, в СССР – Маркс, Ленин и Сталин. Когда контрэлиты начинают в противовес внедрять свои символы, их целью становится разрушение веры в общепринятые символы. Продолжая развивать свою логику, он указывает, что сходство образования и пропаганды состоит в том, что оба они оперируют символами, однако образование сосредоточено на передаче общепринятых взглядов, тогда как пропаганда манипулирует противоречивыми отношениями. Это важное уточнение позволяет понять, что пропаганда появляется там, где формируется конфликт установок внутри индивида и возникают психологические противоречия или напряжения. На него мы еще обратим более подробное внимание далее. Образование с такого рода проблемами, очевидно, справиться не способно. Таким образом, получается, что для США насаждение традиционного американизма и индивидуализма – это образование, а отстаивание идей коммунизма (или, например, в наши дни – «русского мира», «двуполярного мира») – это пропаганда. И наоборот: в СССР распространение коммунизма осуществлялось в сфере образования, а отстаивание идей индивидуализма считалось пропагандой (Lasswell 1939: 9-10). В дальнейшем он подтвердит, что пропаганда задействуется, когда речь заходит о противоречивых вопросах, а образование имеет дело только с трансляцией непротиворечивых отношений – в этом главное их различие (Lasswell 1946: 1).

Пропаганда ненависти. Несмотря на то, что в своем изучении пропаганды Лассуэлл двигался от изучения военной пропаганды к революционной, ядро его представлений принципиально не менялось. Он сохраняет от работы к работе с незначительными изменениями определение пропаганды, связанное с манипулированием символами. Однако главная ценность его работ, и в первую очередь «Техники пропаганды...», на наш взгляд, состоит в том, что он выходит за стандартные определения и исследует сам характер, сущность пропаганды. Подобным подходом пользовался Артур Понсонби, который в своей критической работе сосредотачивается на лжи, предлагая читателю ее подробнейшую систематизацию – от официальной лжи и намеренных упущений до преднамеренных фейков и лживых обвинений (Ponsonby 1940: 19-22). У Лассуэлла главной характеристикой пропаганды становится то, что вся она строится вокруг фигуры врага, а ее ключевой эмоцией является ненависть.

В «Технике пропаганды» он формулирует несколько главных вопросов касательно пропаганды: как разжечь ненависть к врагу, деморализовать его, одновременно укрепляя связи с нейтральными и союзными народами? Отвечая на них, он обозначает четыре стратегических цели пропаганды: (1) мобилизовать ненависть по отношению к врагу; (2) сохранить дружественные отношения с союзниками; (3) сохранить дружественные отношения с нейтральными странами и, насколько возможно, заручиться их сотрудничеством; (4) деморализовать врага (Лассуэлл 2021: 207). В этих способностях он видит наиболее могущественную роль пропаганды. Как видно из приведенных выше целей, пропаганда начинается с ненависти к врагу и заканчивается его деморализацией. Использование столь любимого Лассуэллом количественного метода показывает, что понятие «враг/вражеский» дважды фигурирует в названии глав («Демонизация врага»⁵ и «Деморализация врага») и более 150 раз в русском переводе текста, а понятие

⁵ В английском тексте эта глава называется «Satanism». «Демонизация врага», поэтому, не является дословным переводом с одного языка на другой, а переводом на современный понятийный язык того, о чем там идет речь – о многочисленных способах дискредитации противника.

«ненависть/ненавидеть» – более 30 раз⁶. Наверное, более точным названием этой работы было бы «Техника ненависти в мировой войне».

Вся его книга 1927 г. строится вокруг разворачивающейся драмы ненависти. Она начинается с преодоления сопротивления войне, поскольку к началу XX в. не война, а мир считался нормальным состоянием, следовательно, война же была состоянием ненормальным, неестественным для человека. Это психологическое сопротивление в современных автору нациях, по оценке Лассуэлла, было обусловлено упадком личной преданности вождям. Оно являлось настолько большим, что участие в войне вне зависимости от того, кто ее начал, было необходимо выставить в общественном мнении обороной против «злого, кровожадного агрессора» (Лассуэлл 2021: 57, 85). Возбуждение ненависти к врагу становится лейтмотивом, отход от которого, настаивает автор, допустим только исключительных обстоятельствах. В вопросе возбуждения ненависти не должно быть и «тени двусмысленности», поэтому требуется подключение всех возможных средств, всех чувств, укорененных в социальных традициях.

Собственно, успех пропаганды состоит в том, насколько сильно она заставит людей ненавидеть врага. Лассуэлл обтекаемо говорит о том, что «правительственное управление общественным мнением есть неизбежный королларий большой современной войны». Если поменять в данном высказывании общественное мнение на ненависть, получится более точная формулировка: управление ненавистью становится государственно важной задачей, а успех войны зависит от того, кто ненавидит больше. Все это позволяет сформировать, по его образному выражению, «сплоченную массу ненависти» (*amalgamated mass of hate*)⁷ (Лассуэлл 2021: 227).

Вся «Техника пропаганды...» посвящена тому, чтобы продемонстрировать ключевые моменты управления ненавистью. Враг должен быть опознан, чтобы на него можно было выплес-

⁶ В оригинальном тексте *hate* встречается 33 раза, *enemy* – 156 раз (Lasswell 1927b).

⁷ Более точным переводом *amalgamated mass of hate* было бы «соединенная масса ненависти» или даже «амальгированная масса ненависти».

нуть все свое негодование. Для его демонизации нужно приписать ему целый спектр свойств: враг – не только нагл, но и подл, неконструктивен, корыстен, опасен, вероломен, запальчив и т.д. Если враг – это нация, которая, по утверждениям пропагандистов, затеяла войну, тогда она становится «неисправимой, порочной и развратной» (Лассуэлл 2021: 109). Массам нужна персона, чтобы привязать к ней свою ненависть, и поэтому пропаганда канализирует данное чувство в фигуре вождя враждебной нации. Такой ненавистной фигурой в Первую мировую стал германский кайзер Вильгельм II, которого пропагандисты именовали и бешеным псом Европы, и Каином, и мясником Гийомом, призывая повесить его во что бы то ни стало (Понсонби 2024: 102). Наконец, чтобы противник сам перестал питаться энергией ненависти, ее нужно перенести на другой объект. Таким объектом ненависти может стать правящий класс своей страны, который с помощью пропаганды представляется отвратительным, что способно привести к дестабилизации ситуации и революции, как это произошло с царской Россией. Или им может стать союзник: например, Антанта пыталась вбить клин в отношениях между Германией и Австро-Венгрией, представляя австрийцев прислужниками немцев, а также подогревая слухи о том, что Австро-Венгрия хочет заключить сепаратный мир.

Но если взять, к примеру, не военную, а революционную пропаганду, возможно, обнаружится, что там в центре процессов окажутся другие мотивы? И таким образом ненависть не является ядром любой пропаганды? Увы, нет. Сравнивая революционную и военную пропаганду, Лассуэлл настаивает, что их психологическая функция одна и та же: осуществлять контроль над чувствами вины, слабости, а главное, агрессивности. Такие чувства появляются только при глубоких внутренних конфликтах, вызванных противоречиями личности с окружающей реальностью, о чем шла речь выше при описании революционной пропаганды. Марксизм, по его утверждению, точно также провоцирует агрессию, атакуя капитализм за его хищничество и проецируя на него вину за все беды человечества – войны, бедность, нищету и болезни. Всё как в случае с врагом во время войны. Другим подтверждением идентичности главных черт пропаганды является сходство политических целей войны

и революции – «достижение преобладания в силе над врагом как средства навязать ему свою волю». Более того, Лассуэлл настаивает, что и немецкий национал-социализм 30-х годов прошлого века, сделавший ставку на антисиметизм, немало позаимствовал из новейшего на то время мирового революционного паттерна, однако авторы этой новой пропаганды не могли позволить себе в этом признаться и тщательно утаивали источник кражи (Лассуэлл 2023: 103-105). В результате не остается ни одного вида пропаганды, в основе которой не лежала бы ненависть.

Заключение. Таким образом, для Гарольда Лассуэлла пропаганда – это всегда пропаганда ненависти и вражды, действующая в людях их самые темные стороны. В его интерпретации сплочение нации во время военных действий возможно только на этой основе. После завершения Первой мировой войны было немало дискуссий о том, пропаганда – это хорошо или плохо. Сторонники имелись как одной, так и у другой точки зрения. Из исследователей первой волны У. Липпман и А. Понсонби придерживались мнения о дурной природе пропаганды. Понсонби даже полагал, что отравляющее действие пропаганды намного хуже, чем реальная гибель человека, поскольку она оскверняет душу, что гораздо опаснее разрушения тела (Ponsonby 1940: 18). А Э. Бернейс, напротив, защищал пропаганду, выдавая ее за чудодейственный инструмент невидимого правительства (Бернейс 2010: 14), а для различения «хорошей» пропаганды от «плохой» выдумал новый термин – недобросовестная или недо-пропаганда (*impropaganda*) (Bernays, Martin 1929). Лассуэлл большей частью не считал пропаганду ни плохой, ни хорошей, за редким исключением придерживаясь нейтральных формулировок. Но он совершенно четко показал в своей работе, что вся пропаганда отталкивается от фигуры врага, и никакой «хорошей» пропаганды не бывает. Это обусловлено тем обстоятельством, что к ней прибегают в обстоятельствах чрезвычайного характера, когда рушится естественный порядок индивида и необходимо придать окончательную ясность в крайне противоречивых вопросах. Как только в ее основе перестает лежать конфликт и речь ведется о передаче общепринятых знаний, она превращается в образование. Тем самым Лассуэлл, по факту, вынес пропаганде свой приговор.

Применительно к ситуации в России также не стоит игнорировать понимание пропаганды, выработанное Лассуэллом. Существуют разные оценки пропаганды в российском обществе: одни считают, что она присутствует с избытком, другие говорят о ее дефиците. Как было показано выше, Лассуэлл настаивал, что пропаганда строится только на фигуре врага и чувстве ненависти к нему. Поэтому оценивая уровень сплоченности в российском обществе и вклад в него пропаганды, необходимо прежде всего оценить, насколько оно основано на чувстве ненависти к врагу. И тогда даваемые оценки станут по-настоящему объективными и основанными на научном подходе, а не на личных впечатлениях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алюшин А. 2006. Гарольд Лассуэлл о природе политической реальности // Полис. Политические исследования. № 5. С. 158–170.

Аргун Л. 2021. Пропаганда как инструмент влияния на политическое поведение в теории Г.Д. Лассуэлла // Социально-гуманитарные знания. № 2. С. 333–338. DOI: 10.34823/sgz.2021.2.51583

Баталов Э. 2014. Американская политическая мысль XX века. Москва : Прогресс-Традиция. 616 с.

Бернейс Э. 2010. Пропаганда. Москва : Hippo Publishing. 176 с.

Булкина И. 2000. Теория политической коммуникации Гарольда Д. Лассуэлла : дис. ... канд. социолог. наук. Казань. 159 с.

Гомелаури А. 2018 Изучение феномена лидерства сквозь призму концепций Г. Лассуэлла, Дж. Барбера и Ж. Блонделя // Современные научные исследования и разработки. № 10(27). С. 1008–1011.

Ефременко Д. 2023. «Новая наука о политике», чикагская версия : вступ. ст. // Чикагская школа политической мысли (1920–1940-е годы) : сб. переводов / под ред. Д.В. Ефременко; ИНИОН РАН. Москва : Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН. С. 5–52.

Ефременко Д., Богомолов И. 2021. Анатомия пропаганды, или «Война идей по поводу идей» // Лассуэлл Г. Техника пропаганды в мировой войне. Москва : Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН. С. 4–43.

Кривоносов А., Киуру К. 2022. Парадигматика современной системы массовых коммуникаций в модели Г. Лассуэлла // Вопросы теории и практики журналистики. Т. 11, № 1. С. 27–40. DOI 10.17150/2308-6203.2022.11(1).27-40

Ласвель Г. 1929. Техника пропаганды в мировой войне / сокр. пер. с англ. Н. М. Потапова. Москва : Гос. изд-во, Отд. воен. лит. 200 с.

Лассуэлл Г. 2005. Психопатология и политика. Москва : Изд-во Рос. акад. гос. службы. 352 с.

Лассуэлл Г. 2021. Техника пропаганды в мировой войне. Москва : Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН. 237 с.

Лассуэлл Г. 2023. Политика: кто достигает чего, когда и как? // Чикагская школа политической мысли (1920–1940-е годы) : сб. переводов / под ред. Д.В. Ефременко; ИНИОН РАН. Москва : Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН. С. 77–221.

Липпман У. 2004. Общественное мнение. Москва : Ин-т Фонда «Общественное мнение». 384 с.

Понсонби А. 2024. Ложь в военное время: истории зверств, фейковые фотографии, преступный кайзер, исключительная ответственность Германии за войну / пер. А.Б. Белоусов // Антиномии. Т. 24, вып. 2. С. 88–106. DOI 10.17506/26867206.2024.24.2.88

Чулков Д.И. 2022. Механизмы противодействия манипуляции и пропаганде в работах Г. Лассуэлла и Дж. Дьюи // Вопросы национальных и федеративных отношений. Т. 12, № 9(90). С. 3336–3343. DOI 10.35775/PSI.2022.90.9.017

Ascher W., Hirschfelder-Ascher B. 2004. Linking Lasswell's Political Psychology and the Policy Sciences // Policy Sciences. Vol. 37, № 1. P. 23–36. DOI 10.1023/B:OLIC.0000035460.18318.b0

Bernays E., Martin E. 1929. Are We Victims of Propaganda: A Debate // The Forum. 1929. March. Vol. 81, iss. 3. P. 142–149.

Lasswell H. 1927a. The Theory of Political Propaganda // The American Political Science Review. Vol. 21, № 3. P. 627–631.

Lasswell H. 1927b. Propaganda Technique in World War. New York : Kegan Paul, Trench, Trubner and Co. Ltd. 238 p.

Lasswell H. 1933. Propaganda // Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 12. New York : Macmillan. P. 521–528.

Lasswell H. 1935. World Politics and Personal Insecurity. New York ; London : Whittlesey House, McGraw-Hill Book Company, Inc. 328 p.

Lasswell H. 1939. World revolutionary propaganda. A Chicago study. New York [etc.] : A.A. Knopf. 393 p.

Lasswell H. 1941. Democracy through Public Opinion // The Eleusis of Chi Omega. Vol. 43, pt. 2, № 1. P. 35–37.

Lasswell H. 1946. Propaganda, communication, and public opinion; a comprehensive reference guide. Princeton : Princeton Univ. Press. 456 p.

Lasswell H. 1948. Power and Personality. New York : Norton. 262 p.

Lasswell H., Leites N. 1949. Language of Politics. Studies in Quantitative Semantics. 2nd ed. New York : G.W. Stewart, Inc. 398 p.

Lasswell H. 1950. Propaganda and Mass Insecurity // Psychiatry. Vol. 12, № 3. P. 284–285.

Ponsonby A. 1940. Falsehood in War-Time. 10th ed. London : George Allen & Unwin LTD. 192 p.

Rantanen T. 2024. Dead Men's Propaganda: Ideology and Utopia in Comparative Communications Studies. London : LSE Press. 363 p.

Sproule M. 1989. Social Responses to Twentieth-Century Propaganda // Propaganda. A Pluralistic Perspective. New York : Praeger. P. 5–22.

Alexander B. Belousov

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. E-mail: ektb@yandex.ru

The Amalgamated Mass of Hate: Harold Lasswell's Concept of Propaganda

Abstract. The presented theses consider the concept of propaganda as articulated by American political scientist Harold Lasswell. Lasswell is recognized as part of the first wave of propaganda researchers who published their works in 1920s, and he stands out as the only representative from the academic sphere among them. His renowned work *Propaganda Technique in the World War* (1927) has been included in all propaganda training courses; however, it was not fully translated into Russian until 2021. This delay, along with several other factors, has contributed to the relative obscurity of Lasswell's propaganda concept within Russian political science. The analysis revealed that his concept of propaganda is fundamentally anchored in the figure of the enemy and the dynamics of hate. Key aspects of hate management are explored in *Propaganda Technique...*, ranging from identification of the enemy, assignment of negative attributes to personalization of hate and its transference to other targets in order to destabilize the enemy. Additional strengths of his 1927 work are highlighted, including a systematic approach to the study of military propaganda, a large number of illustrative examples, an introduction of the psychological framework for understanding propaganda, and its situating within organizational, political and technological contexts. An examination of Lasswell's subsequent investigations into propaganda uncovers two main stages of his research: the conceptual and the quantitative. Nonetheless, despite his shift in focus toward revolutionary propaganda in the 1930s, the conceptual core of his work remains grounded in the manipulation of contradictory relationships. It is illustrated that Lasswell's concept of propaganda is relevant for analyzing contemporary political public processes in Russia.

Keywords: propaganda; public opinion; World War I; Harold Lasswell; society; social unity

Оксана Владимировна Головашина

Институт философии и права

Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: ovgolovashia@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9911-175X

Researcher ID: 3757-2016

SPIN-код: 3493-3930

Педагогические идеалы и школьные практики: идеи Э. Дюркгейма для воспитания гражданина в современной России

Аннотация. Автор, рассматривая противоречие между образовательными идеологиями с одной стороны и способами, при помощи которых распространяются и реализуются идеи теоретиков в реальных учебных практиках, – с другой, предлагает обратиться для его разрешения к идеям Э. Дюркгейма. В первой части статьи автор останавливается на важных для рассматриваемой темы положениях социологии французского теоретика. К числу таких автор относит обоснование Дюркгеймом автономности социального и его детерминирующей силы, проявляющейся в коллективных представлениях, конституирующих, в свою очередь, общество, а также разработку способов формирования социальной солидарности. Школа, как и религия в первобытных обществах, является одним из институтов социализации. Для успешности воспитания гражданина, по мнению Дюркгейма, нужно обратить внимание на такие аспекты, как: 1) трансляция коллективных представлений через информацию о прошлом и опыте предыдущих поколений; 2) формирование уважения к законной власти и её моральному авторитету; 3) воспитание школьников в поле общих ценностей. Подчеркивая, что образовательная система может являться следствием конфликта различных групп и их педагогических идеалов, Дюркгейм особое внимание уделяет роли государства, которое должно стоять над конфликтами и учитывать социальную морфологию. Для воспитания гражданина в России необходимо строить соответствующие программы с учетом коллективных представлений населения, задействовать общие чувства и идеи, способствовать соотносению с группой идентичности отдельного ученика; государство должно заботиться не о реализации идеала какой-либо группы, а о разработке реальных практик, которые соответствуют коллективным эмоциям и представлениям, существующим в обществе. Конфликта между педагогическими

идеалами и практиками их реализации не будет, если и те, и другие будут опираться на коллективные представления.

Ключевые слова: Дюркгейм, коллективные представления, социология образования, воспитание гражданина, образование в России, школьные практики

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Современные дискуссии исследователей образования имплицитно предполагают, что содержание учебных программ, методы обучения и т.п. влияют на развитие подрастающего поколения и, значит, на будущее страны, представляя собой определенный вариант «политики будущего», а сами образовательные институты выступают проводниками идеи прогресса (Meyer 2010). Частным случаем этой точки зрения являются многочисленные теории, авторы которых обсуждают трансформационный потенциал образования и его способность преодолевать различные формы неравенства и влиять на изменения социальной структуры (Мак-Ларен 2007; Gottesman 2016; Naarasaari et al. 2016). При этом определение государством контрольных цифр приема, утверждение ФГОС (Добрякова, Фрумин 2020; Добрякова и др. 2018), школьные и вузовские ритуалы (Линченко, Головашина 2019), все более распространяющиеся разговоры о необходимости вернуть обязательное распределение студентов после окончания вузов, традиционность образовательных методов и восприятие системы образования как одной из самых консервативных (Леонидова и др. 2018) свидетельствуют о том, что функционалистская метафора, в соответствии с которой образование направлено, прежде всего, на воспроизводство социальной структуры, сохраняет свое значение. По данным опросов россиян, эффективность школьного образования определяется тем, можно ли получить знания и навыки для последующей жизни¹, а основная функция шко-

¹ Школьное образование: оценка россиян, 29.08.2018 // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/shkolnoe-obrazovanie-ocenka-rossiyan> (дата обращения: 04.09.2024).

лы связана с подготовкой к профессиональной деятельности или расширением кругозора². В то же время современные исследования показывают, что содержание и форматы преподавания школьных программ отличаются архаичностью и не соответствуют социальным требованиям (Kuzminov et al. 2019). То есть, можно констатировать определенное противоречие между образовательными идеологиями с одной стороны и способами, при помощи которых распространяются и реализуются идеи теоретиков в реальных учебных практиках – с другой. Это проявляется в дискуссиях о роли преподавателя или об образовательном процессе (Петрова, Шкабарина 2020; Торикова 2021), в решениях администраций разного уровня, которые не могут быть воплощены в реальной педагогической деятельности, в стрессе работников школ как несоответствии между восприятием требований из организационной среды и восприятием собственных ресурсов (Ефимова, Латышев 2023), в противоречивых установках в работе учителей, взаимодействиях семьи и школы (Каспржак и др. 2015; Островерх, Тихомирова 2021) и мешает реализации одной из главных целей образования – воспитания гражданина.

В своем раннем труде «Самоубийство» Эмиль Дюркгейм утверждает, что образование является отражением общества: оно воспроизводит и отображает социальные структуры в упрощенном виде, но не формирует их (Дюркгейм 1912). Это приводит к двум ключевым выводам: во-первых, признается наличие социальной детерминированности в процессах образования, во-вторых, функции образовательной системы не могут противоречить коллективным представлениям, которые лежат в основе общественной солидарности.

В предлагаемой статье не ставится цель обосновать актуальность функционалистской метафоры для современной образовательной системы, однако взгляды Дюркгейма на формирование гражданской солидарности и место школы

²Школьное образование: кого должна готовить школа? 29.08.2005 // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/shkolnoe-obrazovanie-kogo-segodnya-dolzha-gotovit-shkola>; Новации школьного патриотизма: за и против, 11.05.2022 // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novacii-shkolnogo-patriotizma-za-i-protiv> (дата обращения: 04.09.2024).

в этом процессе представляются вполне релевантными для разрешения противоречия между образовательными идеологиями и практиками педагогического процесса в современной России.

Рецепция идей Дюркгейма, как правило, связана с его исследованиями практик солидарности и моральной социологией, а работам про развитие образования уделяется гораздо меньше внимания среди последователей. Однако большая часть преподавательской деятельности Дюркгейма была посвящена именно проблемам педагогики. После завершения обучения в Высшей Нормальной школе в Париже в 1882 году Дюркгейм начал свою карьеру преподавателя в лицеях. В 1887 году он поступил в Бордоский университет, где вел курсы по социальным наукам и педагогике. В 1902 году Дюркгейм перешел в Сорбонну, одновременно читая обязательные курсы по образованию в *Ecole Normale*. Многие его работы, посвященные вопросам образования и педагогики, такие как «Образование и социология», «Моральное образование» и «Эволюция образовательной мысли во Франции», представляют собой переработанные лекции, в том числе для учителей средней школы. Его идеи в области образования активно поддерживались правительством (Richter 1960; Wallace 1973) и, скорее всего, находили продолжение в педагогических практиках его учеников, а самого Дюркгейма можно назвать классиком образования.

Однако сводить социологию образования Дюркгейма к трансляции представлений государства о роли гражданина и обоснованию функционалистской метафоры было бы упрощением. Обращение к идеям Дюркгейма также определяется его интересом к вопросам социальной морфологии. Настаивая на том, что образование отражает общество, он подчеркивал, что общество само по себе не может быть однородно, соответственно, педагогические идеалы различных групп вступают в противоречие. Его внимательное отношение к вопросам социальной солидарности, которое проявилось и в работах, посвященных образованию, делает его идеи вполне продуктивными для прояснения образовательной политики в области воспитания гражданина в современной России и полезными для выработки практических положений, связанных с воспитанием гражданина.

Далее будет предложена характеристика некоторых значимых для рассматриваемой темы положений социологии Дюркгейма, затем проанализированы релевантные идеи воспитания гражданина, а в заключение предложена их возможная адаптация для текущей ситуации в современной России. За скобками останутся, безусловно, значимые идеи Дюркгейма, посвященные моральному образованию, так как они представляются уже достаточно изученными (Jones 1993; Pickering 1979; Wallwork 1972; Watts Miller 1997; Watts Miller 2000), в том числе и в России (Гофман 2019).

Итак, на первом шаге необходимо кратко остановится на основных положениях социологии Дюркгейма, определивших, в том числе, его взгляды на образование.

Прежде всего, Дюркгейм обосновывает *автономность социального*, говоря о приоритете социальной реальности над индивидуальной. Он считает социальное силой, детерминирующей поведение, моральные нормы, ценности, подчеркивая, что она не исходит от нас, а навязывает нам самих себя, по причине чего исследователь должен изучать механизмы этой силы (Filloux 1977). Поведение индивида, групп, их действия определяются влиянием социальных процессов, социальное принуждение связано с нормами, ценностями и ожиданиями общества, которые формируют поведение индивидов и их взаимодействия друг с другом. Ключевой категорией для Дюркгейма является понятие социального факта: именно из социальных фактов состоит социальное, а эмпирическое изучение социальных фактов является задачей социологии (Дюркгейм 1995a). Соответственно, образование, являясь, с точки зрения Дюркгейма, социальной практикой, также состоит из социальных фактов.

Детерминирующая сила социального проявляется в *коллективных представлениях*. «Коллективные представления, порожденные действиями и противодействиями между элементарными сознаниями, из которых состоит общество, прямо не вытекают из последних и, следовательно, выходят за их пределы» (Дюркгейм 1995b: 233). Дюркгейм оставляет за скобками вопрос о том, откуда берутся эти представления, но уделяет внимание механизмам их трансляции – через ритуалы, язык, законы и систему образования (Durkheim 1887; Durkheim

1973a; Durkheim, Deploige 1907; Misztal 2003). Каким бы сложным ни был их статус, представления в конечном счете создают общество (Durkheim 1900).

Социальная солидарность, которая в более ранней работе Дюркгейма выступала следствием разделения труда (Дюркгейм 1996), затем связывается им с коллективными представлениями, оказываясь следствием повторяющихся практик (ритуалов). Для Дюркгейма «солидарность составляет определяющую характеристику групповой жизни», «является неперменным условием коллективного действия» (Traugott 1984: 325). Под ритуалами имеются в виду не только повторяющиеся действия австралийских аборигенов, но и такое же повторяющееся поднятие государственного флага или праздник последнего звонка в российских школах. Важным оказывается то, что в данный период времени общество считает сакральным – это может быть изображение тотемного животного, христианская символика или вечный огонь и георгиевская ленточка. Сакральное постоянно проживается как сакральное в процессе ритуалов, только в этом случае оно остается таковым: «для поддержания ощущения исторического континуитета, нужно снабжать социальную общность набором значимых ценностей и чувств» (Васильев 2014: 156). Социальная солидарность может существовать лишь тогда, когда индивиды разделяют общие ценности и нормы. В этом контексте государство играет важную роль, стремясь убедить граждан в значимости общей идентичности и системы ценностей. Оно способствует формированию общественного сознания, мотивируя людей переосмысливать одни события и уделять меньшее внимание другим, тем самым укрепляя единство общества.

В дальнейшем тема солидарности так или иначе присутствовала во всех работах Дюркгейма от небольших статей до самой крупной его книги – «Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии», в которой обосновывалось место ритуалов и религии в создании и сохранении социальной сплоченности. Можно вполне обоснованно говорить о дюркгеймовской традиции изучения социальной сплоченности и солидарности.

Таким образом, социология Дюркгейма, в том числе, его работы об образовании, строилась на признании автономии

социального и приоритета социального над индивидуальным, а также детерминирующей роли коллективных представлений, конституирующих общество. Ритуалы играют ключевую роль в поддержании и передаче коллективных представлений, однако они не формируют эти представления самостоятельно. Их основная функция заключается в укреплении уже существующих идей и норм, их сохранении и распространении в обществе.

Обратимся ко взглядам Дюркгейма на воспитание гражданина. «Образование, – писал Дюркгейм, – далеко не имея в качестве своей единственной или главной цели индивида и его интересы, прежде всего, является средством, с помощью которого общество постоянно воссоздает условия самого своего существования» (Durkheim 1956: 123). Аргумент Дюркгейма о том, что общество является «источником и целью морали», позволил ему сделать вывод, что мы «не можем стремиться к морали, отличной от той, которая связана с состоянием нашего общества» (Durkheim 1974: 59, 61). При этом любая педагогическая доктрина «представляет собой результат коллективной работы», а общество «формирует образ идеального человека, и этот образ отражает все черты его структуры и организации» (Durkheim 1956: 123).

Если рассматривать закон, язык и ритуалы как ключевые механизмы передачи коллективных представлений, о чем Дюркгейм неоднократно писал, возникает вопрос об институтах, которые способствуют этой передаче. Если в работе «Элементарные формы» социализация индивидов и социальная солидарность связаны с религией, то в современном мире эту функцию осуществляют образовательные организации (Wallace 1973: 3). То есть, школа должна транслировать сложившиеся коллективные представления, проявлявшиеся и в государственной политике, и в воспитании подрастающего поколения. Дюркгейм, понимая сложность определения коллективных представлений, а также различия их от ситуативных и контекстуальных эмоций, переживаний, реакций, предлагает довольно конкретные практики, реализация которых будет способствовать трансляции коллективных представлений.

Во-первых, для воспитания гражданина важно, чтобы ребенок «был осведомлен о наследии тех, кто предшествовал

ему» (Durkheim 1973b: 247). Дюркгейм как предтеча исследований коллективной памяти (Васильев 2014; Misztal 2003) говорит о роли опыта предыдущих поколений в формировании гражданина. Государственные школы должны «интерпретировать и выражать французский дух» (Durkheim 1956: 107), воспитывать подрастающее поколение с верой в моральное величие Франции (Durkheim 1977). И так же, как наши «прошлые персоны преобладают в наших нынешних “я” и составляют бессознательную часть нас самих», образовательные идеалы и видения прошлого продолжают формировать наши сегодняшние практики и понимания (Durkheim 1977: 11). Речь при этом идет не о механической передаче сведений, а о трансляции коллективных представлений через информацию о прошлом и соответствующие практики. «Ибо истина в том, что настоящее, на которое нам предлагается направить свое внимание, само по себе ничто: это не более чем экстраполяция прошлого, от которого оно не может быть отделено, не потеряв большую часть своего значения» (Durkheim 1977: 14).

Религия как «способ, с помощью которого общества осознают себя и свою историю» (Durkheim 1973a: 270) тесно связана с мифическим прошлым, в котором содержится ключ к коллективным верованиям, страхам и знаниям. В дальнейшем эту роль берет на себя школа, от которой начинает зависеть культивирование чувства преемственности с прошлыми поколениями. Только это чувство позволяет говорить о национальной солидарности как о солидарности членов общества, которая распространяется за пределы жизни одного поколения или одного индивида (Durkheim 1973b: 246).

Скорее всего, под трансляцией опыта предыдущих поколений Дюркгейм имел в виду не только преподавание истории в школах, но и школьные традиции, ритуалы, демонстрирующие преемственность поколений, а также воспитание школьников в атмосфере национальной культуры и формирование гордости за родную страну.

Во-вторых, задача школы предполагает формирование уважения к законной власти и её моральному авторитету, а также привитие ребенку понимания «религии закона», включая восприятие школьной дисциплины как нечто священного (Durkheim 1919: 191-192). В отличие от ритуалов,

которые осуществляются периодически, образовательный процесс должен формировать эти качества постоянно и последовательно.

В-третьих, сообщество строится на разделении минимума объединяющих общих ценностей. Их не следует изобретать с нуля – важнее собрать и отобрать те ценности, которые уже присутствуют в общественном сознании и укоренены в традициях, так как именно в таких ценностях проявляются коллективные представления сообщества. Воспитание школьников в поле общих ценностей способствует формированию солидарности.

Отдельно необходимо сказать о *роли государства* в воспитании гражданина. Структура педагогических представлений имеет конкретно-исторический характер и находится в зависимости от политического контекста, развиваясь в условиях коллективной жизнедеятельности и включая подавление индивидуальной автономии. Распространенное в современных дискуссиях представление о том, что работа с молодежью определяет будущее страны, противоречит взглядам Дюркгейма: «воспитание может реформироваться лишь тогда, когда реформируется само общество» (Дюркгейм 1912: 514-515). То есть, новые образовательные программы или педагогические приемы сами по себе бессмысленны, если не меняется социальный порядок. Иными словами, реформы образовательной сферы должны следовать за изменением коллективных представлений, а не определять их. Задача школы – передавать сложившиеся традиции (Walford, Pickering 1998: 5), а не создавать новые.

В определенный исторический момент, как отмечает Дюркгейм, существует «доминирующий, регулирующий тип воспитания», отклонение от которого невозможно без значительного сопротивления общества (Durkheim 1977). Это подразумевает, что школа является отражением общества, в котором она функционирует и не может быть полностью независимой из-за своей авторитарной структуры и экономической детерминированности сообществом (Walford, Pickering 1998: 6).

Государство, заинтересованное в поддержании социальной стабильности и единства среди граждан, инициирует различные практики, направленные на укрепление этих ценностей, влияя на процесс формирования идентичности. Аргумент Дюркгейма о том, что общество является «источником и целью

морали», позволил ему сделать вывод, что мы «не можем стремиться к морали, отличной от той, которая связана с состоянием нашего общества» (Durkheim 1974: 59, 61).

Каждая педагогическая доктрина представляет собой результат работы общества; оно формирует образ того, каким хочет видеть человека, и этот образ отражает все особенности социальной организации (Durkheim 1956: 123). То есть Дюркгейм сделал ставку на идею, которую Вундт отстаивал в своей этике (Wundt 1886), а именно на то, что мораль, религия и право разных народов являются кульминацией коллективных, медленных и бессознательных разработок (см.: Durkheim 1887: 119-123).

Поскольку образование имеет решающее значение для общей жизни нации, государство «не может быть к нему безразлично». Оно должно играть активную роль, чтобы большинство не пыталось систематически «навязывать свои идеи меньшинству» (Durkheim 1956: 81). Образование также не должно быть «полностью отдано на откуп произволу частных лиц» (Durkheim 1956: 81); это означает не то, что государство обязательно должно монополизировать обучение, а лишь то, что оно обеспечивает равное распределение этого важнейшего общественного блага и не допускает его попадания под господство какой-либо конкретной группы или класса.

Однако говорить о том, что школа является только транслятором государственных представлений о роли гражданина и воспитывает таких граждан, которые на данный исторический момент нужны государству, было бы упрощением. Общество само по себе не однородно, соответственно, педагогические идеалы могут вступать в противоречие. Дюркгейм показывает, как конфликт между сторонниками воспитания элит и защитниками широкого доступа к образованию (например, между прометеевской доктриной, выраженной в раблезианском идеале образования, и доктриной джентльменов, описанной Эразмом) определил развитие образовательной системы Франции (Durkheim 1956: 81).

Еще один вид конфликта выступает следствием реальных задач, связанных с коллективными представлениями населения и идеями акторов образовательной политики, которые не соответствуют этим представлениям, но вытекают из взглядов

отдельных людей или групп. Дюркгейм критикует традиционную педагогику за то, что она сосредоточена на теоретических подходах к пониманию процесса воспитания, но не предлагает практических методов для его реализации. Этот разрыв между теоретическими концепциями и реальной практикой воспитания может вызывать различные противоречия и мешает гражданскому воспитанию.

Помимо конфликта педагогических идеалов, Дюркгейм также обращает внимание на социальную морфологию, то есть на необходимость учитывать не только публичную сферу, но и семью, социальные движения, досуговые практики, оценивать внутреннюю логику этих структур и их вклад в социальную интеграцию, индивидуальную автономию и добровольное сообщество. Социализация будущего гражданина, как пишет Дюркгейм, зависит не только от позиции государства, но и от множества социальных мероприятий – от собраний родительского комитета до национальных дебатов и общественных активностей. То есть воспитание гражданина определяется не только государством, школой и работой учителя; педагогические идеалы формируются в диалоге и конфликте различных акторов, а социализация носит дифференцированный характер, влияние ее структур зависит от того, насколько они «институционализированы или находятся в процессе институционализации» (Cohen, Arato 1992: X).

К числу недостатков социологии образования Дюркгейма можно отнести то, что она не объясняет, каким образом образовательные учреждения могут стать проводниками социальных детерминант. Педагоги не рассматриваются как активные участники, способствующие формированию образов, значимых для государства. Согласно основным принципам Дюркгейма, коллективные представления отражают естественный гражданский порядок и, исходя из этого, не могут быть интерпретированы в рамках политического дискурса. В то же время образование, нацеленное на воспитание как гражданина, так и индивидуальности, оказывается вне этого естественного порядка. Скорее, учитель и школа в целом должны понять (почувствовать) этот порядок и транслировать его; в свою очередь, именно трансляция коллективных представлений, вернее, ценностей, моральных норм, в которых они проявляются, консти-

туирует гражданский порядок и способствует солидаризации общества.

Стоит, однако, отметить, что, несмотря на убеждение в детерминирующей силе социальных процессов, Дюркгейм «выступает за автономность и полное развитие индивидуума. Наивысшая точка эволюционного процесса – возникновение индивида. Человек должен быть свободен, чтобы стать тем, кем, как он считает, он может стать. Образование поощряет стремление индивида приблизиться к этой цели. Но суть в том, что она не может быть достигнута вне общества» (Walford, Pickering 1998: 5). Образование, готовя человека к жизни во «взрослом» обществе, должно быть тесно связано с текущими условиями этого общества и его требованиями в конкретный исторический момент. Социальные связи играют ключевую роль в формировании человеческой сущности. Новый тип интеграции, котором упоминал Дюркгейм, предполагает, что индивидуализм в современном обществе является отражением коллективной совести.

Таким образом, школа становится заменой религиозных организаций как основного института социализации и формирования солидарности. Дюркгейм считал, что будущее сплоченного общества основывается на поддержании морального кодекса социальных обязательств и обязанностей, которые приносят пользу как индивидууму, так и обществу. Важно отметить, что сама образовательная система часто основывается на конфликтах, что добавляет сложности в этот процесс. Для Дюркгейма формальное или систематическое образование было частью его интереса к созданию и поддержанию консенсуса и солидарности в дифференцированном, специализированном и разнородном обществе.

Парадоксально, но Дюркгейм, писавший о национальных ценностях и патриотизме, считал, что общество будущего не будет связано национальными границами. В перспективе патриотизм как уважение ценностей нации будет с необходимостью заменен интернациональной религией, разделяемой всем человечеством (Wallace 1973: 9). У каждого гражданина есть обязательства перед страной, но они, как подчеркивал Дюркгейм, не могут быть выше, чем обязательства перед человечеством вообще.

Несмотря на некоторую ограниченность и противоречия во взглядах Дюркгейма на образование, его идеи вполне могут быть применимы в современной России.

Прежде всего, формирование гражданина должно основываться на коллективных представлениях, которые, как продемонстрировал Дюркгейм, определяют содержание индивидуального сознания и в большей степени создают общество, нежели отражают его. Заявленное выше противоречие между образовательными идеологиями и способами, при помощи которых распространяются и реализуются идеи теоретиков в реальных учебных практиках, разрешится, если и идеологии, и практики будут следовать за коллективными представлениями. Успешность реализации разнообразных программ патриотического воспитания и соответствующих мероприятий, достижение поставленных методологами и технологами целей зависят от того, насколько при их постановке и разработке учитывались сложившееся в обществе коллективные представления. Невозможно реформировать всю систему образования или ввести планы мероприятий патриотического воспитания без учета изменений в обществе в целом, так как образование, в том числе, воспитание гражданина, выступает только функцией от социальных процессов вообще. Понимая сложность различия коллективных представлений и социальных конструкторов, Дюркгейм в своих лекциях для учителей предлагал, как было отмечено выше, конкретные практики, связанные с необходимостью трансляции опыта предыдущих поколений, формированием уважения к законной власти и её моральному авторитету, разделению общих ценностей. Учитель должен следовать этим практикам, от него не требуется различения коллективных представлений и проявлений каких-либо актуальных тенденций.

Во-вторых, для формирования социальной солидарности важно целенаправленно задействовать общие чувства и идеи, которые объединяют людей (Lukes 1973: 166-167). Недостаточно совершать формальные действия, необходимость которых может быть непонятна и тем, кто призывает к этим действиям, и тем более – школьникам, которые вынуждены их исполнять; ритуалы – как для австралийских аборигенов, так и для современных российских школьников – должны воспроизводить

коллективные эмоции, опираясь на имеющуюся систему представлений.

В-третьих, одна из главных целей воспитания гражданина заключается в том, что ученик должен учиться соотносить свою идентичность с группой. Исходя из этого, с точки зрения Дюркгейма, следует не уделять внимание раскрытию личных качеств учеников, а интерпретировать образование как процесс, при помощи которого естественный человек становится социальным и в котором учитель выступает проводником задач группы. Это не значит, что индивидуальные особенности ученика не имеют значение, но только в группе, в соответствии с социальными и моральными нормами, ученик может раскрыть свои индивидуальные качества.

В-четвертых, существующая в настоящем система образования почти всегда оказывается следствием конфликтов различных групп и их педагогических идеалов; государство должно заботиться не о реализации идеала какой-либо группы, а о разработке тех реальных практик, которые соответствуют коллективным эмоциям и представлениям, существующим в обществе, потому что лишь они могут быть успешно реализованы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Васильев А.Г. 2014. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. Т. 13, № 2. С. 141–167.

Гофман А.Б. 2019. К теоретической реконструкции дюркгеймовской трактовки морали // Общественные науки и современность. № 6. С. 55–73. DOI 10.31857/S086904990007563-1

Добрякова М.С., Фрумин И.Д. (ред.) 2020. Универсальные компетентности и новая грамотность: от лозунгов к реальности / под ред. М.С. Добряковой, И.Д. Фрумина. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 28 с.

Добрякова М.С. и др. 2018. Навыки XXI века в российской школе: взгляд педагогов и родителей / М.С. Добрякова, О.В. Юрченко, Е.Г. Новикова. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 72 с.

Дюркгейм Э. 1912. Самоубийство : социол. этюд. Санкт-Петербург : Н.П. Карбасников. 541 с.

Дюркгейм Э. 1995а. Метод социологии // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Москва : Канон. С. 5–164.

Дюркгейм Э. 1995b. Представления индивидуальные и представления коллективные // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Москва : Канон. С. 208–243.

Дюркгейм Э. 1996. О разделении общественного труда. Москва : Канон. 432 с.

Ефимова Г., Латышев А. 2023. Удовлетворенность трудом у работников высшего учебного заведения // Вопросы образования. № 1. С. 72–108. DOI 10.17323/1814-9545-2023-1-72-108

Каспржак А.Г. и др. 2015. Директора школ как агенты реформы российской системы образования / А.Г. Каспржак, Н.Б. Филинов, Р.Ф. Байбурын, Н.В. Исаева, Н.В. Бысик // Вопросы образования. № 3. С. 122–143. DOI 10.17323/1814-9545-2015-3-122-143

Леонидова Г.В. и др. 2018. Учитель и образовательная реформа: взгляд из региона / Г.В. Леонидова, М.А. Головчин, Т.С. Соловьева. Вологда : Изд. Вологод. науч. центра РАН. 178 с.

Линченко А.А., Головашина О.В. 2019. «И значит нам нужна одна Победа...». Память о Победе в советской и российской школах // Диалоги со временем. № 67. С. 99–113.

Мак-Ларен П. 2007. Жизнь в школах: введение в критическую педагогику. Москва : Просвещение. 418 с.

Острверх О.С., Тихомирова А.В. 2021. Соучастное проектирование образовательного пространства новой школы // Вопросы образования. № 3. С. 260–283. DOI 10.17323/1814-9545-2021-3-260-283

Петрова О.А., Шкабарина Н.Л. 2020. Профессиональный стресс в педагогической деятельности (на примере педагогов средней школы) // Январские педагогические чтения. № 6(18). С. 129–132.

Торикова Е.Ф. 2021. Организационно-психологические условия профилактики профессионального стресса педагогов специальной общеобразовательной (коррекционной) школы-интерната // Проблемы современного педагогического образования. № 71-2. С. 465–468.

Cohen J., Arato A. 1994. Civil Society and Political Theory. Cambridge : MIT Press. 800 p.

Durkheim E. 1887. La science positive de la morale en Allemagne // Revue philosophique. № 24. P. 33–58, 113–142, 275–284.

Durkheim É. 1900. La Sociologie en France au XIXe siècle // Revue bleue, 4e serie. № 13.

Durkheim E. 1919. The School of Tomorrow // French Educational Ideals of Today / F. Buisson, F.E. Earrington (eds.). New York, NY : World. P. 188–192.

Durkheim E. 1956. Education and Society. New York : Free Press. 163 p.

Durkheim E. 1973a. Forms of the Religious Life // Durkheim, on Morality and Society / Bellah R. (ed.). Chicago : Univ. of Chicago Press. P. 269–297.

Durkheim E. 1973b. Moral Education. New York : Free Press. 320 p.

Durkheim E. 1974. Sociology and Philosophy. New York : Free Press. 97 p.

Durkheim E. 1977. The Evolution of Educational Thought. Lectures on the formation and development of secondary education in France. London : Routledge and Kegan Paul. 388 p.

Durkheim É., Deploige S. 1907. A propos du conflit de la morale et de la sociologie // *Revue néo-scholastique*. Vol. 14, N° 56. P. 606–621.

Filloux J.-C. 1977. *Durkheim et le Socialisme*. Genève : Droz. 388 p.

Gottesman I. 2016. *The Critical Turn in Education: From Marxist Critique to Poststructuralist Feminism to Critical Theories of Race*. New York : Routledge. 192 p.

Haapasaari A. et al. 2016. The Emergence of learners' transformative agency in a Change Laboratory Intervention / A. Haapasaari, Y. Engestrom, H. Kerosuo // *Journal of Education and Work*. Vol. 29, N° 2. P. 232–262. DOI 10.1080/13639080.2014.900168

Jones R.A. 1993. La science positive de la morale en France: les sources allemandes de la Division du travail social // *Division du travail et lien social*. La thèse de Durkheim un siècle après / Besnard P., Borlandi M., Vogt P. (éd). Paris : Presses Universitaires de France. P. 11–41.

Kuzminov Y. et al. 2019. Generic and specific skills as components of human capital: New challenges for education theory and practice / Y. Kuzminov, P. Sorokin, I. Froumin // *Foresight and STI governance*. Vol. 13, N° S2. P. 19–41. DOI 10.17323/2500-2597.2019.2.19.41

Lukes S. 1973. *Emile Durkheim, His Life and Work*. London : Allen Lane Penguin Press. 676 p.

Meyer J.W. 2010. World society, institutional theories, and the actor // *Annual Review of Sociology*. Vol. 36, N° 1. P. 1–20. DOI 10.1146/annurev.soc.012809.102506

Misztal B.A. 2003. Durkheim and Collective Memory // *Journal of Classical Sociology*. Vol. 3, N° 2. P. 123–143. DOI 10.1177/1468795X030032002

Pickering W.S.F. 1979. Introduction. Part I. Morals // *Durkheim: Essays on Morals and Education* / Pickering W.S.F. (ed). London ; Boston ; Henley : Routledge & Kegan Paul. P. 22–25.

Richter M. 1960. *Durkheim's Politics and Political Theory* // *Emile Durkheim, 1858–1917* / K.H. Wolf (ed.). Columbus : Ohio Univ. Press. P. 170–210.

Traugott M. 1984. Durkheim and Social Movements // *Archives Europeennes de Sociologie*. Vol. 25, iss. 2. P. 319–326. DOI 10.1017/S000397560000429X

Walford G., Pickering W.S.F. (eds.). 1998. *Durkheim and Modern Education* / G. Walford, W.S.F. Pickering (eds.). London ; New York : Routledge. 246 p.

Wallace R.A. 1973. The Secular Ethic and the Spirit of Patriotism // *Sociology of Religion*. Vol. 34, N° 1. P. 3–11. DOI 10.2307/3710275

Wallwork E. 1972. *Durkheim: Morality and Milieu*. Cambridge, MA : Harvard Univ. Press. 336 p.

Watts Miller W. 1997. *Durkheim's Course on Moral Education: The Issue of its Date, and the Lost Lectures on Autonomy* // *Durkheimian Studies*. New Series. Vol. 3. P. 21–24.

Watts Miller W. 2000. Durkheim, Morals and Modernity. London ; New York : Routledge. 300 p.

Wundt W. 1886. Über Ziele und Wege der Völkerpsychologie // Philosophische Studien. Bd. 4. S. 1–27.

Oksana V. Golovashina

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. E-mail: ovgolovashina@mail.ru

Pedagogical Ideals and School Practices:

E. Durkheim's Ideas

for Educating a Citizen in Modern Russia

Abstract. The author, considering the contradiction between educational ideologies, on the one hand, and the ways in which the theorists' ideas are disseminated and implemented in real educational practices, on the other, suggests turning to the ideas of E. Durkheim for its resolution. In the first part of the article, the author dwells on the important provisions of the French theorist's sociology for the topic under consideration. Among these, the author includes Durkheim's justification of the autonomy of the social and its determining force, manifested in collective representations that constitute, in turn, society, and the development of methods for forming social solidarity. School, like religion in primitive societies, is one of the institutions of socialization. For the successful education of a citizen, according to Durkheim, it is necessary to pay attention to the following aspects: 1) transmission of collective representations through information about the past and experience of previous generations; 2) formation of respect for the legitimate authority and its moral authority; 3) education of schoolchildren in the field of common values. Stressing that the educational system can be a consequence of the conflict of different groups and their pedagogical ideals, Durkheim pays special attention to the role of the state, which must stand above conflicts and take into account social morphology. In order to educate a citizen in Russia, it is necessary to build appropriate programs taking into account the collective ideas of the population, to involve common feelings and ideas, and the student must be taught to correlate his identity with the group; the state should not be concerned with the implementation of the ideal of any group, but with the development of those real practices that correspond to the collective emotions and ideas that exist in society. There will be no conflict between pedagogical ideals and the practices of their implementation if both are based on collective ideas.

Keywords: Durkheim; collective representations; sociology of education; education of citizens; education in Russia; school practices

Олег Михайлович Рой
Институт философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: roi_omsk@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1885-7865
ResearcherID: S-3643-2016
SPIN-код: 2404-7079

Территориальная идентичность российского общества: от поместной раздробленности к гражданскому согласию

Аннотация. Человек есть существо социальное, и в этом качестве он вступает в отношения с другими людьми по поводу вопросов, имеющих для него важное значение и предусматривающих участие социальных институтов. Проживая на определенной территории, индивид последовательно позиционирует себя как субъект локальной общности, входящей, в свою очередь, в общности более высокого территориального уровня. Каждый уровень этой иерархически выстроенной социальной структуры отличается по степени связности и цельности, проявляющейся в феномене территориальной идентичности, которая выражает способность социальных сообществ обеспечивать солидарную приверженность граждан общественным идеалам и нормам национального государства. Целью исследования является обоснование перспектив и ограничений формирования гражданской (национальной) идентичности российского общества с учетом видового разнообразия и ценностной неоднородности локальных сообществ. В статье представлена структура территориальной идентичности, показано ее место в системе социальной идентичности, сформулированы критерии выделения социальных сообществ. Особое внимание уделено содержанию муниципальной идентичности, в территориальном формате которой наблюдается наибольшее видовое разнообразие и ценностная неоднородность. Результатом исследования выступает разработка мер, способствующих преодолению поместной раздробленности и достижению гражданского согласия.

Ключевые слова: территориальная идентичность, муниципальная идентичность, социальное сообщество, поместная раздробленность, гражданское согласие, территориальное сообщество, социальная структура

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Введение. Разрушение СССР привело к утрате советской идентичности и размыванию общности «советский народ». Развитие российской государственности, сопровождавшееся разгосударствлением собственности и повышением самостоятельности регионов и местных сообществ, вызвало актуальную потребность в формировании гражданской идентичности, призванной консолидировать интересы граждан страны на основе гармонизации отношений между уровнями публичной власти.

Процесс создания новой российской государственности сопровождался упорными попытками ряда субъектов Федерации добиться определенных преференций и повлек за собой настойчивые усилия региональных элит, стремившихся получить преимущество перед другими регионами. Этот процесс порождал сепаратистские настроения и становился серьезной угрозой еще до конца не сложившемуся российскому федерализму.

Непростые процессы осуществлялись и на местном уровне. Проведение с начала 1990-х гг. прошлого века муниципальной реформы преследовало цель сформировать в стране сеть территориальных образований, которые примут на себя ответственность за решение жизненно важных вопросов для проживающих в данных территориальных образованиях людей. Для этого законом был определен перечень так называемых вопросов местного значения, решение которых вошло в полномочия органов местной власти, составив компетенцию местных администраций¹. Однако развитие местного самоуправления осуществлялось в масштабе страны крайне неравномерно: если в малонаселенных и отдаленных поселениях низкая бюджетная

¹ Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (утратил силу в связи с принятием 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003).

обеспеченность не способствовала активизации местных элит, то обретение статуса публичной власти на густонаселенных и географически привлекательных территориях породило высокую гражданскую активность населения и заметную динамику изменений деловых отношений.

В связи с этим важно понять, насколько сочетаются интересы местных сообществ с интересами государства в условиях нестабильности и внешних угроз и как территориальная организация местной власти может способствовать формированию новой национальной идентичности. Поскольку с 2020 г. система местного самоуправления становится одним из уровней публичной власти, следует определить, насколько органично она встраивается в структуру национальной идентичности и что мешает этому встраиванию.

Феномен территориальной идентичности. Создание органов публичной власти в формате регионов, поселений или административных районов вызвало превращение формирующихся административно-территориальных единиц в ярко выраженные центры принятия решений, объединившие вокруг себя доминирующие настроения местного населения. Эти процессы вызвали к жизни феномен **территориальной идентичности**, определенной границами территориального образования и консолидирующей интересы проживающего в этих границах населения. Территориальная идентичность трактуется учеными как ощущение социальной общности проживающих на определенной территории людей, сформированное на основе уникальных характеристик и смыслов, составляющих культурное своеобразие данной территории (см.: Смирнягин 2007; Шматко, Качанов 1998; Govers, Go 2009).

Глобализационные тенденции способствовали заметному снижению значения фактора границ во взаимоотношениях между странами, обнажив проблему сохранения национальной идентичности современных государств и социокультурного своеобразия местных сообществ. К примеру, расширение границ Европейского союза в нулевые годы, сопровождавшееся созданием системы наднациональных институтов, вызвало существенную трансформацию региональной и национальной идентичности входящих в союзное образование государств. Объединение государств с разным уровнем

социально-экономического развития и несхожими ценностными установками привело к существенной трансформации их территориальной идентичности. В этот период многие европейские регионы и муниципалитеты, участвуя в реализации установленных ЕС приоритетов, стали, минуя национальный уровень, напрямую взаимодействовать с централизованными фондами развития. Как отмечают отечественные исследователи, это привело к изменению характера и сущности лежащей в основе европейской идентичности исторической памяти, в результате которого национальные рамки исторической памяти восточноевропейских стран с течением времени начинают доминировать на всем пространстве Европейского союза (см., напр.: Лифанов 2021).

Благодаря территориальной идентичности у человека рождается ответственность за судьбы своей малой и большой родины, создается база для устойчивого развития государства путем самоорганизации социальных сообществ. Формирование территориальной идентичности осуществляется в контексте сохранения исторической памяти, составляющей основу национального единства, осмысления испытанных страданий и катастроф. (см.: Фишман 2024; Русакова 2023). Однако многоуровневое и видовое территориальное многообразие не всегда способствует складыванию национально-государственной (гражданской) идентичности, гармонизации социальных, этнонациональных и имущественных отношений в обществе.

Феномен социальной идентичности всегда находился в фокусе исследовательского интереса отечественных и зарубежных обществоведов. Он означает, что осознание человеком его места в социуме базируется на отнесении себя к определенной социальной группе, что способствует устойчивости этой социальной группы и ее готовности противостоять многочисленным угрозам.

Авторитетные исследователи теории идентичности П. Бергер и Т. Лукман писали, что мир повседневной жизни имеет пространственную и временную структуру. «Реальность повседневной жизни организуется вокруг “здесь” моего тела и “сейчас” моего настоящего времени» (Бергер, Лукман 1995: 42). Идентификация во времени означает осознание человеком своего места в историческом процессе, принадлежности к опре-

деленной исторической общности, востребованности навыков и ценностей, соответствующих данной исторической эпохе. Идентификация индивида в пространстве выражает его географическую локализацию, принадлежность к тому или иному сообществу, проживающему в определенных формальных или неформальных границах, осознание своей самобытности и исключительности по отношению к другим сообществам.

Отечественные исследования в области социальной идентичности преимущественно рассматривают ее через призму психологического подхода как способ восприятия гражданином условий своего существования и отношения к этим условиям. В этом контексте понятие «территориальная идентичность» используется как набор различных форм отношения человека к окружающей среде, представленных в понятиях «средовая идентичность», «идентичность с местом» (place-identity), «городская идентичность» (urban-related identity) (Самошкина 2008: 44). Так, по мнению Г.В. Горновой, «городская идентичность – это устойчивое представление человека о себе как жителя определенного города, непосредственное переживание своей связи с городом, чувство сопричастности городу и его жителям, приобщенность к городскому бытию, некое сложно артикулируемое чувство общей судьбы» (Горнова 2019: 12). Принимая во внимание значительное разнообразие видов и уровней территориальных образований, следует подчеркнуть, что «территориальная идентичность» является более широким понятием, нежели «городская идентичность». Поскольку территория выступает ближайшим уровнем социального мира, с которым индивиды соотносят свои социальные ориентации, то территориальная идентичность выступает составной частью социальной идентичности, отображая ее свойство представлять положение человека в границах определенного территориального образования.

Территориальная идентичность характеризует способность людей консолидировать свои интересы в границах территориальных образований того или иного уровня. П. Бергер и Т. Лукман рассматривали идентичность как феномен, возникающий из диалектической взаимосвязи индивида и общества. «Идентичность, – писали ученые, – формируется социальными процессами. Однажды выкристаллизовавшись, она

поддерживается, видоизменяется или даже переформируется социальными отношениями. Социальные процессы, связанные с формированием и поддержанием идентичности, детерминированы социальной структурой» (Бергер, Лукман 1995: 279). Территориальная идентичность имеет множество уровней, раскрывающих разнообразные аспекты позиционирования человека в социальном пространстве. Национально-государственный уровень социального пространства соответствует гражданской идентичности, субгосударственный – региональной, местный – муниципальной (локальной, городской).

Один из наиболее авторитетных российских исследователей социальной идентичности Л. Дробижева обращала внимание на то, что идентичность формируется не столько государством, сколько усилиями самого общества, вырабатывая у государства способность исполнять свои базовые функции. Во взаимодействии индивидов и социальных сообществ может проявляться множество идентичностей (гражданская, этническая, региональная, локальная и пр.), позволяющих выстроить доверительные отношения между сторонами. Именно совмещенные, а не противодействующие друг другу множественные идентичности являются признаком гармоничного развития общества (Дробижева 2020). С другой стороны попытки выстроить как универсальную иерархию идентичностей, так и теоретические модели их гармоничного мультикультуралистского сосуществования на практике оказываются противоречивыми и конфликтными (Мартьянов 2011). Научная проблема заключается в том, что для каждого общества существует своеобразная иерархия идентификаторов, лежащих в основе этих идентичностей, – и если в одном обществе значение имеют этнические или религиозные идентификаторы, то для других – экономические.

Это обстоятельство способствовало формированию сети территориальных образований, дифференцированных по различным критериям, наибольшее значение среди которых имели этнонациональный, геополитический и экономический критерии. В соответствии с этнонациональным критерием в административно-территориальной сетке страны сформировались национальные республики, национальные муниципальные районы и поселения. Геополитический критерий

потребовал особым образом обозначить роль приграничных районов и поселений, геостратегических регионов и сложно-составных субъектов Федерации. А благодаря экономическому критерию целый ряд территориальных образований разных уровней получил определенный правовой статус, позволяющий извлекать преимущества от заложенного в этот статус режима работы с резидентами (зоны территориального развития, территории опережающего социально-экономического развития, особые экономические зоны и пр.). Видовое разнообразие территориальных образований обусловило формирование типовых поведенческих реакций у проживающего в том или ином территориальном образовании населения, вызвав проблемы сочетаемости этих реакций между собой и выбора приоритетов национальных интересов.

Наличие множества территориальных образований разных типов и уровней актуализирует проблему гармонизации идентичностей и формирования гражданской идентичности как основы социокультурного воспроизводства государства. В научной литературе достаточно широко освещены методологические аспекты формирования гражданской, этнической и региональной идентичности (см., напр.: Монастырский 2017; Низамова 2014; Кожанов 2014). В меньшей степени уделено внимание локальной (муниципальной) идентичности, значение которой возрастает в условиях проведения в стране муниципальной реформы.

Роль муниципальной идентичности в достижении гражданского согласия. Создание в стране органов местного самоуправления, обеспечивающее определенную обособленность территорий в рамках локальных административных границ, способствовало расширению самоорганизационных и мобилизационных механизмов развития поселений, более тесному взаимодействию населения и органов власти в решении актуальных для поселений проблем, оперативному решению стоящих перед людьми вопросов. В то же время предоставление самостоятельности в решении ряда административных вопросов вело к усилению местных элит, которые расширяли свое влияние на протекавшие в границах муниципальных образований социальные и экономические процессы. Известный социальный антрополог Симон Кордонский в своей книге

«Как устроена Россия» писал, что часть местной власти пытается устроить жизнь на своей территории по типу прежнего, царского времени, поместья. Он отмечал, что в таких поселениях вся способная приносить доходы собственность принадлежит главам муниципальных образований, членам их семей и доверенным лицам либо предпринимателям, фактически управляющим муниципалитетом (Кордонский 2021). Кроме того, с развитием и укреплением местного самоуправления стала складываться другая, куда более опасная тенденция, которая может в перспективе повлечь за собой разрушение основ государственности и духовного единства нации. Речь идет о заметных проявлениях свойств этнической и религиозной идентичности в границах административно-территориальных образований, способной формировать нетерпимость к носителям других культурных традиций, не разделяющим ценностей местной элиты. Местная власть благодаря своему авторитету может сосредоточивать в сфере своего влияния опасные для региона и страны центры дестабилизации и агрессии, превращающиеся в ячейки открыто экстремистских организаций (Силантьев 2009). Так, в июне 2024 г. в Дагестане произошел двойной теракт, приведший к гибели 19 человек, в том числе священника и охранника православного храма. Как оказалось, двое террористов были сыновьями главы Сергокалинского района Дагестана Магомеда Омарова. Кроме того, и другие участники этой террористической акции были высокопоставленными представителями органов местной власти².

Определенную опасность также представляют имеющиеся диспропорции в социально-экономическом положении муниципальных образований, обуславливающие существенные различия в уровне и качестве жизни местного населения. Такое неравенство порождает недоверие граждан менее развитых муниципалитетов к государственным институтам и ведет к усилению экономической зависимости муниципальной власти от государственной поддержки, что в конечном счете консервирует неравенство между самими муниципалитетами, обостряет кон-

² Миронова А. Институционализированный ваххабизм, 24.06.2024. URL: <https://360.ru/tekst/obschestvo/institutsionalizirovannyj-vahhabizm/?ysclid=lz9rbfn9x0746353931> (дата обращения: 10.10.2024).

курению между ними за государственные дотации и вызывает социальную напряженность в обществе (Чаннов 2019).

Приведенные выше примеры свидетельствуют о проявлении связанных с формированием органов местной власти опасных для российского общества тенденций, которые в различных социально-экономических и географических условиях могут стать источником разнообразных угроз.

Внутренним механизмом, формирующим в границах административно-территориальных единиц мощные центры административного влияния, базирующиеся на высокой интенсивности внутриобщинных связей при доминирующем положении местной администрации, выступает феномен *муниципальной идентичности*.

Понятие «муниципальная идентичность» широко используется в зарубежной научной литературе. Муниципальная идентичность чаще всего рассматривается в аспекте межмуниципальной конкуренции и способности муниципальных образований вырабатывать независимую политику и самостоятельно участвовать в получении грантов международных фондов (Borwein, Lucas 2023). Ряд авторов указывают на важность учета контекстуальных условий, поскольку развитие муниципальной идентичности человека зависит от размера соответствующего муниципалитета, а также его социально-экономических, культурных, институциональных и макроэкономических характеристик (см., напр.: Bühlmann 2012). Интерес также вызывают вопросы определения административных границ муниципалитетов в контексте разграничения собственности в агломерациях между метрополиями и пригородами (Tyson 2013). Краткий обзор публикаций зарубежных авторов о роли муниципальной идентичности в развитии современного общества свидетельствует о широком разнообразии ее проявлений и значимости политического и социально-экономического контекста для ее понимания.

В целом проблематика муниципальной идентичности в большинстве случаев раскрывается через понятие локальной идентичности. Локальная идентичность рассматривается в качестве составной части территориальной идентичности (наряду с национальной, региональной, республиканской, провинциальной и пр.). Чаще всего ее

характеризуют как социокультурный феномен, готовность к социально-преобразовательной активности и реализацию этой активности на уровне местных сообществ (Морозова, Улько 2008). Однако в научной литературе встречается и более узкое толкование понятия: под локальной идентичностью понимается локально-заводская идентичность, лежащая в основе политической активности предприятий (Витковская, Назукина 2018). Прослеживается также направление исследований, касающееся социально-профессионального аспекта социальной идентичности на местном уровне, предметом которого выступает профессиональная деятельность муниципальных служащих (Баных и др. 2017; Рочева 2011).

Муниципальная идентичность реализуется по меньшей мере в одной из форм: этнонациональной, религиозной или гражданской. К примеру, процесс установления этнической идентичности неразрывно связан с наделением своей общности определенными стереотипными характеристиками, обособлением ее от чужих общностей, их противопоставлением ей. Индивид, как правило, стремится положительно оценить группы, к которым принадлежит, отдает им преимущество по сравнению с внешними группами. Исследования российских ученых показали, что представители отдельных социальных групп склонны считать верования и убеждения внутри своей группы скорее верными, а убеждения представителей других групп – скорее ошибочными (Максимова, Морковкина 2016: 348).

Сама по себе муниципальная идентичность не несет никаких угроз. Напротив, именно благодаря консолидации общества вокруг органов местного самоуправления и повышения общей управляемости территории стимулируются формы самоорганизации и саморазвития поселений, усиливается их экономическое влияние на близлежащие поселения. Это позволяет на муниципальном уровне обрести гражданскую идентичность. Однако отсутствие или непроработанность институтов подотчетности власти, участия граждан в принятии административных решений, кумовство или пренебрежение общественными запросами могут спровоцировать серьезные последствия, грозящие разрушением гражданского согласия.

Формирование муниципальной идентичности может осуществляться автономно по отношению к региональной

или национально-государственной идентичности. Муниципальная идентичность формируется в тесной зависимости от способности власти квалифицированно решать проблемы местных сообществ. Неспособность власти выполнять эту миссию влечет за собой поместную раздробленность и апатию населения. Основными идентификаторами муниципальной идентичности являются: активность населения на местных выборах, удельное значение расходов муниципального бюджета, охват участия населения в решении вопросов местного значения и пр. Неэффективная государственная политика в отношении местных сообществ, следствием которой становятся нарастание экономических диспропорций между муниципальными образованияами или игнорирование реальных потребностей граждан, вызывает угрозу потери устойчивости современного общества.

В свете сказанного необходимо подчеркнуть актуальность исследования муниципальной идентичности в России как важнейшей основы развития гражданского общества в стране, как одной из предпосылок формирования гражданской идентичности, позволяющей сгладить этнические, религиозные или имущественные различия между поселениями.

На пути к гражданской идентичности. Консолидация общественных интересов, формирующая социальную сплоченность, идентичность граждан с местом их проживания, выступает объективным условием, обеспечивающим стабильность общества (Невеличко и др. 2022). Однако консолидация интересов разнообразных социальных сообществ, и особенно составляющих их социальных страт, представляется архисложной государственной задачей. Как показывают исследования, ни пресловутая национальная идея, ни религия, ни общественная мораль не могут служить основой объединения людей (Горшков, Тихонова 2022: 228-250). Гражданское согласие предполагает схожее ценностное отношение представителей различных социальных сообществ к общественным институтам. Для выявления такой схожести важно сформировать целостное представление о содержании регулируемых этими институтами сфер. В их перечень входят экономическая, политическая, социальная, социокультурная и прочие сферы, роль которых заключается в формировании норм и правил, определяющих

деятельность людей в наиболее значимых для них сегментах повседневного мира. Обеспечить целостность этих сфер – значит сделать их понятными для социального восприятия и придать функциональность лежащим в их основе элементам. Главным препятствием для достижения гражданского согласия и формирования гражданской идентичности является неспособность и неготовность органов власти объяснить принципы формирования базовых социальных сфер, их значение для воспроизводства локальных сообществ, ожидаемые последствия нарушения этих принципов, а также проинформировать о возможных мерах восстановления целостности этих сфер как условия развития сообществ.

Одним из способов преодоления неоднородности местных сообществ и формирования консолидирующих основ их взаимодействия друг с другом может стать наполнение правовым содержанием положения о конкретных механизмах формирования межмуниципальных хозяйственных обществ для совместного решения вопросов местного значения ст. 68 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Межмуниципальное сотрудничество в России развивается сегодня в рамках некоммерческих ассоциаций и договорных форм, в основном концентрируясь на решении вопросов защиты и отстаивания общемуниципальных интересов перед федеральными и региональными органами государственной власти. Развитие организационно-хозяйственных форм сотрудничества, способствующих социальной и экономической интеграции муниципальных образований, к сожалению, пока не получило широкого распространения (Леонов 2022).

Поместная раздробленность как фактор ограничения гражданской идентичности вызвана главным образом информационной асимметричностью между элитами и рядовыми гражданами, неспособностью последних отстаивать свои права по причине либо незнания их, либо размытости и двусмысленности действующих в границах сообществ правил. Территориальная идентичность во всех своих проявлениях выступает важной предпосылкой для формирования целостных представлений о механизмах развития общества и соблюдения прав всех его участников.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд теоретических выводов и конкретных практических рекомендаций. Территориальная идентичность является сложным многоуровневым понятием, предполагающим множество моделей поведения граждан и способов их адаптации к жизни в социальных сообществах. При сложившейся в стране иерархической системе территориальных образований могут возникать определенные диспропорции в сочетаемости видов территориальной идентичности – национальной, региональной, муниципальной и локальной, вызывающие трудности в консолидации общества и гармонизации отношений между различными социальными группами. Поместная раздробленность на муниципальном уровне во многом вызвана неравномерностью развития местных сообществ, их полной зависимостью от вышестоящих бюджетных уровней, что в конечном итоге приводит к тому, что люди не связывают свою судьбу с жизнью в данном сообществе и покидают родные места. Ключевыми факторами такой угрозы выступают слабая вовлеченность местных сообществ в процессы решения проблем государственного значения, неготовность людей влиять на развитие базовых общественных сфер, от которых зависит их судьба и благополучие, утрата доверия граждан к местной администрации и пр. Данные факторы могут провоцировать кризисные проявления территориальной идентичности на местном уровне и блокировать тенденции к общественной консолидации на более высоких территориальных уровнях. Поэтому очень важным в этих условиях становится сохранение способности граждан играть более активную роль на местном уровне – реализовывать свое право участвовать в выборах органов власти, в формировании местных бюджетов, получать всю необходимую информацию о состоянии социальной и инженерной инфраструктуры поселения и пр. Вряд ли можно рассматривать в качестве положительного опыта стремление органов государственной власти осуществлять финансирование органов местного самоуправления через централизованные фонды. Такая практика, на наш взгляд, усиливает конкуренцию между муниципальными образованияами, создает почву для коррупции и препятствует гражданскому согласию. В то же время развитие межмуниципальных союзов, позволяющее реализовывать

межмуниципальные проекты в интересах жителей участвующих в этих союзах муниципалитетов, выступает важнейшим условием достижения гражданского согласия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баннх Г.А. и др. 2017. Социально-профессиональные характеристики муниципальных служащих в структуре их профессиональной идентичности: результаты социологического исследования / Г.А. Баннх, Е.В. Зайцева, С.Н. Костина // Муниципалитет: экономика и управление. № 3(20). С. 31–36.

Бергер П., Лукман Т. 1995. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания; пер. с англ. Москва : Медиум. 323 с.

Витковская Т.Б., Назукина М.В. 2018. Промышленные города Урала: специфика локальной идентичности и политических практик // Вестник Пермского университета. Политология. № 3. С. 148–165.

Горнова Г.В. 2019. Городская идентичность: философско-антропологические основания: монография. Омск : Амфора. 167 с.

Горшков М.Г., Тихонова Н.Е. (ред.). 2022. Российское общество и вызовы перемен. Кн. 6 / ФНИСЦ РАН Институт социологии ; под ред. М.Г. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. Москва : Весь мир. 284 с.

Дробизева Л.М. 2020. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4 (158). С. 480–498.

Кожанов И.В. 2014. Гражданская и этническая идентичности: проблема взаимосвязи и взаимозависимости // Научное обозрение. Педагогические науки. № 1. С. 157–157.

Кордонский С.Г. 2021. Как устроена Россия. Статьи и интервью разных лет. Москва : Common Place : Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники». 312 с.

Леонов С.Н. 2022. Пространственная организация межмуниципального сотрудничества в России // Известия Байкальского государственного университета. Т. 32, № 3. С. 501–511. DOI 10.17150/2500-2759.2022.32(3).501-511.

Лифанов С.С. 2021. Историческая память и наднациональная идентичность в западноевропейских государствах // Дискурс-Пи. Т. 18, № 4. С. 78–93. DOI 10.17506/18179568_2021_18_4_78

Максимова С.Г., Морковкина А.Г. 2016. Гражданская и этническая идентичность как маркеры межэтнических отношений в приграничных регионах России // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 2. С. 347–358.

Мартыанов В.С. 2011. Конфликт идентичностей в политическом проекте модерна: мультикультурализм или ассимиляция? //

Идентичность как предмет политического анализа. Сб. статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.) ; под ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева. Москва : ИМЭМО РАН. С. 36-42.

Монастырский Д.В. 2017. Гражданская идентичность: теоретические подходы к исследованию и формирующие ее факторы // Гуманитарий Юга России. № 1. С. 181–188.

Морозова Е.В., Улько Е.В. 2008. Локальная идентичность: формы актуализации и типы // Политическая экспертиза : ПОЛИТЭК. № 4. С. 139–151.

Невеличко Л.Г. и др. 2022. Формирование идентичности местного сообщества в условиях глобализации / Л.Г. Невеличко, И.М. Воротилкина, Н.В. Белкина, Е.П. Шарина // Мир науки. Социология, филология, культурология. Т. 13, № 3. 42SCSK322. DOI 10.15862/42SCSK322 URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/42SCSK322.pdf>

Низамова Л.Р. 2014. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. Москва : Российская политическая энциклопедия. 2013 : [рецензия] // Социологический журнал. № 1. С. 181–185.

Рочева Я.С. 2011. Социально-профессиональная идентичность муниципальных служащих Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург : Изд. С.-Петербург. гос. ун-та сервиса и экономики. 131 с.

Русакова О.Ф. 2023. Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России // Дискурс-Пи. Т. 20, № 2. С. 32–51. DOI 10.17506/18179568_2023_20_2_32

Самошкина И.С. 2008. Территориальная идентичность как предмет социально-психологического исследования // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». № 3. С. 43–53.

Силантьев Р.А. 2009. Распространение ваххабизма в современной России // Вестник ЧелГУ. № 16. С. 165–171.

Смирнягин Л.В. 2007. О региональной идентичности // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Москва ; Смоленск : Ойкумена. Вып. 17: Меняющаяся география зарубежного мира. С. 21–49.

Фишман Л.Г. 2024. Эпоха потрясений как шанс на объединяющую российскую идентичность // Антиномии. Т. 24, № 1. С. 39–52. DOI 10.17506/26867206_2024_24_1_39

Чаннов С.Е. 2019. Экономическое неравенство субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в контексте обеспечения конституционных прав и свобод граждан // Журнал российского права. № 10. С. 30–41. DOI 10.12737/jrl.2019.10.3

Шматко Н., Качанов Ю. 1998. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. № 4. С. 94–98.

Borwein S., Lucas J. 2023. Municipal identity and city interests // Political Behavior. Vol. 45, № 3. P. 877–896.

Bühlmann M. 2012. Municipal identity. A multilevel analysis of the determinants of individual attachment to municipalities // *Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft*. B. 6. S. 149–175.

Govers R., Go F. 2009. Place Branding, Glocal, Virtual and Physical Identities, Constructed, Imagined and Experienced. London : Palgrave Macmillan.

Tyson C. J. 2013. Municipal identity as property // *Penn St. L. Rev.* № 118. P. 647–696.

Oleg M. Roy

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. E-mail: roi_oms@mail.ru

Territorial Identity of Russian Society: from Local Fragmentation to Civil Accord

Abstract. Humans are social beings; as such, they enter into relationships with other people that are structured by issues that are important to them and that involve the participation of social institutions. By virtue of habitation on a particular territory, an individual consistently positions him- or herself as a subject of a local community, which in turn, is subsumed within communities having a higher level of territorial organisation. Each level of this hierarchical social structure differs in the degree of its coherence and integrity as manifested in the phenomenon of territorial identity, which expresses the ability of social communities to maintain the solidarity of citizens' commitment to the social ideals and norms of the national state. The aim of the study is to substantiate the prospects and limitations affecting the formation of civil (national) identity of Russian society while taking the sociocultural diversity and value heterogeneity of local communities into account. Criteria for characterising social communities are formulated according to the structure of territorial identity, which is discussed in terms of its role in the wider system of social identity. Particular attention is paid to the content of municipal identity, within whose territorial format the greatest sociocultural diversity and axiological heterogeneity are observed. On the basis of the results, a number of measures to help overcome local fragmentation and achieve civil harmony are formulated.

Keywords: territorial identity; municipal identity; social community; local fragmentation; civil harmony; territorial community; social structure